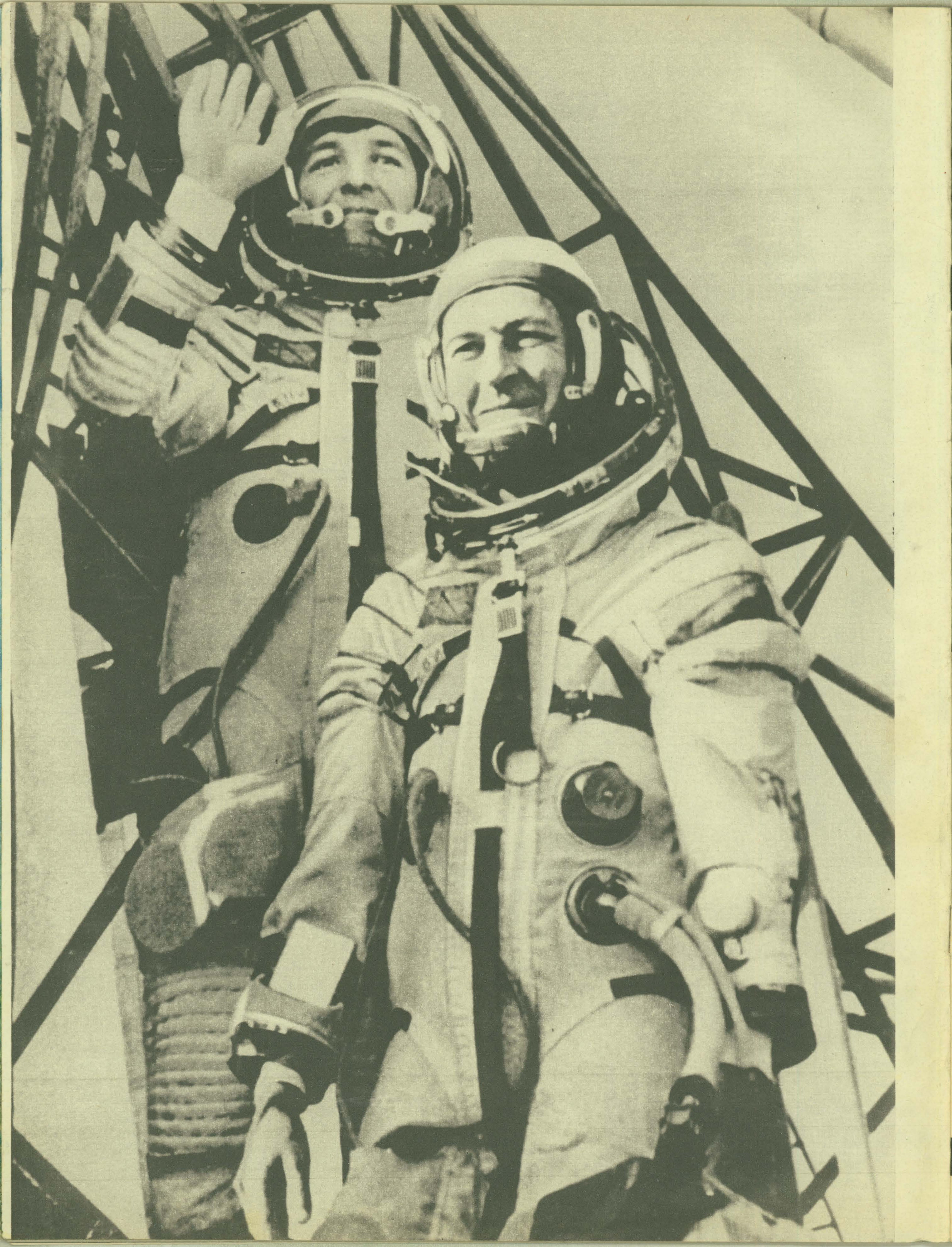

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1975

Командир космического корабля «Союз-18» Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Петр Ильич Климук.

Бортинженер космического корабля «Союз-18» Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов.
Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

на борту орбитальной станции «салют-4» новый экипаж

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Снова пробудилась орбитальная станция. Защелкали тумблеры, засветились лампочки на пультах. Зажегся свет в рабочем и бытовом отсеках, включились телекамеры, и мы так же, как и прежде, внимательно вглядываемся в лица тех, кто сейчас несет вахту в космосе.

Десятого февраля люди покинули станцию. Ушли, чтобы вернуться. Все это время они чутко прислушивались к ее дыханию. И вот на борту новый экипаж — Петр Климук и Виталий Севастьянов.

Когда вы получите этот номер журнала, станция «Салют-4» со вторым экипажем совершит уже несколько десятков оборотов вокруг Земли, космонавты закончат проверочные, монтажные, «такелажные» работы. Начнется основное, то, ради чего в конечном счете и летают в космос,— исследования.

И Петр Климук и Виталий Севастьянов вторично отправились в космос, но вместе впервые. Командир экипажа летал командиром на корабле «Союз-13», бортинженер занимал ту же, что и ныне, «штатную должность» на борту «Союза-9».

Этот второй полет для каждого из них будет труднее. Хотя бы потому, что на станции «Салют-4» одной только научной аппаратуры более двух тонн. Но дело не в абсолютном ее весе и даже не во многих километрах или пусть килограммах магнитных, бумажных лент и фотопленки, а в том научном урожае, что надлежит получить с борта станции. Тем более, что удельная стоимость каждого грамма научной аппаратуры, если б можно было выразить ее в неких единицах физических и нервных затрат экипажа, весьма высока. Это убедительно доказал предыдущий экипаж «Салюта-4» — летчики-космонавты Алексей Губарев и Георгий Гречко.

Полет, в котором Петр Климук участвовал в декабре 1973 года, был более узконаправленным, целевым, нежели другие полеты наших космонавтов. Если б кто-то придумал геральдический знак программы полета «Союза-13», то непременно изобразил телескоп. «Орбитальная обсерватория» — так назвали тогда корабль, на котором была установлена система телескопов «Орион-2» для исследования звезд и созвездий в ультрафиолетовом диапазоне спектра.

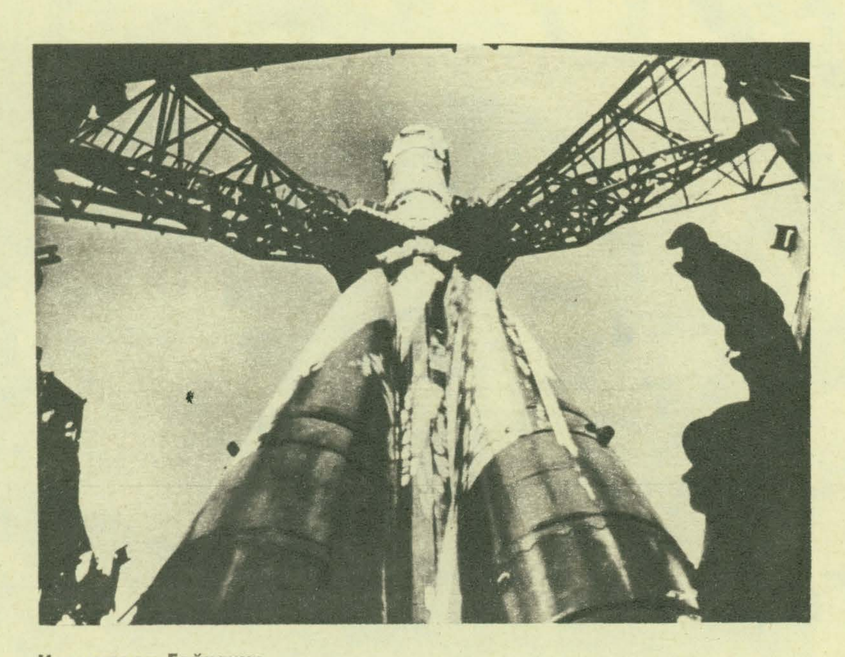
Съемку звезд на спектрограф можно было выполнять лишь «ночью» — над теневой стороной орбиты. За это время надо было распознать нужный объект через иллюминатор, направить на него

---

24 мая 1975 года в 17 часов 58 минут московского времени в Советском Союзе произведен запуск космического корабля «Союз-18», пилотируемого экипажем в составе командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, подполковника Климука Петра Ильича и бортинженера Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Севастьянова Виталия Ивановича.

На снимке: космонавты прощаются с провожающими.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

Космодром Байконур.
Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-18» установлена на стартовой площадке.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

«Орион» и включить аппаратуру. Что значит «распознать звезду», которых, как известно, столько, «сколько капель в море»? Труднее, чем найти знакомое лицо на противоположной трибуне огромного переполненного стадиона. Нужно ли доказывать, что Климук знает звездное небо и «звездную» аппаратуру, как астроном.

Научный руководитель эксперимента «Орион-2» член-корреспондент Академии наук Армении профессор Григор Арамович Гурзадян сказал во время полета, что Петр чувствует телескоп «Орион» так же, как хороший летчик машину. Это у него особый дар — одушевлять «умные» вещи.

Вспоминается небольшой эпизод того полета. Шел один из первых рабочих дней на борту «Союза-13». Предстоял сеанс звездной съемки. Перед входом в тень экипаж выполнил необходимую ориентацию корабля в пространстве, затем начал наводить телескоп на заданный участок неба. Для наведения берутся две так называемые опорные, то есть вспомогательные звезды. Ловят эти звезды в специальные датчики телескопа. Сначала необходимыми разворотами его платформы захватывают звезду одним датчиком, затем вторым — другую. Корабль продолжает лететь вокруг Земли, а датчики должны удерживать опорные звезды в поле зрения, а потому платформа с телескопами остается неподвижной относительно звезд. В этот момент и ведется съемка нужной звезды или созвездия.

И вот, когда все предварительные операции были выполнены, оказалось, что на пульте космонавта транспарант захвата второй звезды не загорелся ровным светом, как положено, а замигал. Никто не мог тогда на Земле в Центре управления полетом ответить, есть ли наведение телескопа.

На следующем витке повторилось то же самое. Что делать? В этот момент в эфире раздался твердый голос командира: «Прошу разрешить работать по программе. Убежден, что захват есть. Скорее всего просто плохо контачит лампочка транспаранта». И пошла съемка своим чередом.

Научные результаты «орионовских» экспериментов превзошли все ожидания. В Ереване в кабинете Гурзадяна я читал письма от многих зарубежных и советских ученых с поздравлениями. А сам профессор всегда и всюду первыми соавторами успеха называл экипаж корабля.

Климуку тридцать три года. Без двух недель. Из летавших советских космонавтов он почти самый молодой. Моложе лишь бортинженер «Союза-13» Лебедев — на два месяца. При всем этом Климук в отряде космонавтов уже десять лет.

Он никогда не видел отца, ушедшего с первых дней войны партизанить и погибшего в сорок четвертом в боях за Польшу. Он рос в белорусской деревне с матерью, сестрами и братом. Рос в труде и строгости. Но это судьба большинства его сверстников.

В школе хранится письмо, присланное командованием летного училища. Письмо с благодарностью учителям за отличную подготовку и воспитание Петра Климука.

12 апреля шестьдесят первого года он был курсантом летного училища и услышал сообщение о полете Гагарина во время занятий на аэродроме. Летал много и самозабвенно, отлично освоил пять или шесть типов новых самолетов. Но вот однажды в часть пришла разнарядка на спецнабор. И судьба летчика Климука круто повернулась.

Наставники и коллеги считают его одним из самых способных космических командиров. С ним всегда приятно работать. Умен, пытлив, сообразителен. Исключительно сосредоточен. Характер? Ну, взгляните хотя бы на фотографии. Лицо — зеркало души.

Петр Климук — командир и, следовательно, по своему психическому складу — «лидер». Но после всего сказанного о нем вполне логичным прозвучит дополнение: «...с демократической тактикой руководства». Это — по классическим категориям психологов. Они так же, как и другие причастные к полету специалисты, считают, что Климук — отличный командир, отличный «начальник станции»...

Виталий Севастьянов — космонавт по самому глубочайшему призванию. По крайней мере половина его сорокалетней жизни проникнута идеями космоса, подчинена им. Еще в годы студенчества он перечитал все труды Циолковского и понял, чему дальше посвящать жизнь. В 1956 году его работа «Возвращение орбитального аппарата с орбиты спутника Земли» была удостоена первой премии на Московском городском смотре студенческих работ. Не удивительно, что после окончания МАИ Севастьянов стал работать в конструкторском бюро С. П. Королева.

Когда набрали первую группу космонавтов, то одним из тех, кто преподавал основы космической техники Гагарину, Титову, Николаеву, Поповичу, Комарову, Быковскому и другим, был молодой инженер Севастьянов. Учеба в аспирантуре и подготовка диссертации оторвали его от КБ и Звездного городка лишь ненадолго.

Его первый космический полет начался пять лет назад — 1 июня 1970 года. Командиром корабля «Союз-9» был Андриян Григорьевич Николаев. Полет продолжался 17 суток и 16 часов — до того времени в космосе никто дольше не находился. Программа полета корабля была многоплановой. Проводились эксперименты по исследованию земной поверхности, атмосферы, по автономному определению параметров орбиты, по отработке новых навигационных приборов, по исследованию функции человека как элемента модельной системы управления. И многие другие.

Работа кипела, обо всех делах на борту мы в Центре управления узнавали большей частью из докладов бортинженера, который по складу характера и темпераменту очень мало схож со своим немногословным первым космическим командиром.

В пылу повседневных забот на борту они порой недорабатывали в физупражнениях. Медики забили тревогу, пришлось по их настоянию отменить повторение некоторых научных экспериментов. Опасения врачей оказались оправданными. Возвращение для обоих космонавтов сопровождалось отнюдь не эйфоричными ощущениями. Земля встретила их жесткими объятиями. Вспомните хроникальные кадры о том, как Николаеву и Севастьянову помогают выбраться из спускаемого аппарата, сами они не смогли. Потом на Земле заново учились ходить.

Теперь времена другие. Объемы орбитальной станции «Салют-4» позволили разместить на ее борту не только много научной аппаратуры, но и тренажеры физнагрузок — своеобразные спортивные «комбайны». Разработаны и применяются и другие методы снижения неблагоприятных воздействий невесомости. Алексей Губарев и Георгий Гречко после приземления вышли из спускаемого аппарата сами и совсем недолго вновь входили в образ землян. Так что Виталию Ивановичу третий раз в жизни учиться ходить не придется.

Если космонавта Климука больше отличает склонность к испытательской работе, то космонавта Севастьянова — к научным экспериментам. Особенно его увлекают те, что связаны с исследованиями природной среды, поверхности Земли, ее атмосферы. На эту тему он опубликовал много научных и популярных статей, написал книгу. Нередко у космонавтов бывают свои личные, ими же сформулированные сверхпрограммные задачи на полет. Думается, что такие планы бортинженера связаны именно с этой его научной склонностью.

Психологи отмечают удивительный талант Севастьянова видеть и фиксировать все вокруг себя разом, даже, казалось бы, неприметное и постороннее. И редкую память. В студенческие годы он поражал тем, что запоминал длинные колонки цифр, целые страницы впервые увиденной книги, выполнением в уме прехитрых математических задач.

Любую повторяемую операцию он выполняет каждый раз как-то иначе. Это не принцип или правило Севастьянова — в этом его существо, природа. И при этом — строгий ум аналитика. Виталий Иванович давно и довольно плодотворно работает над философскими проблемами космических исследований.

Сейчас Петр Климук и Виталий Севастьянов прибыли на станцию «Салют-4», чтобы продолжить работу, начатую первым научным коллективом орбитальной лаборатории, помочь ученым еще глубже проникнуть в природу сложных и во многом пока неведомых процессов жизни Земли, Солнца, звезд. Результатов полета ждут астрономы и метеорологи, физики и ботаники, геологи, медики, геодезисты...

Миновали первые дни полета. Экипаж «распаковал чемоданы»: проверил работу систем станции, подготовил научную аппаратуру...

Теперь — исследования. Научная вахта в космосе продолжается.

В. ЛЕВСКИЙ

Центр управления полетом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2499)

31 МАЯ 1975

Фото В. Ашуева.

КИНО РАЗОБЛАЧАЕТ ФАШИЗМ

В Волгограде прошел Международный фестиваль антифашистского фильма; глубоко символичны время и место его проведения,— весь земной шар отмечал в эти дни тридцатилетие Победы над фашистской Германией.

На Волгоградский фестиваль приехали представители многих стран мира. Они привезли художественные и хроникальные фильмы, среди которых были и хрестоматийные, давно вошедшие в сокровищницу мирового киноискусства, и совершенно новые ленты: первая их встреча с широким зрителем состоялась здесь, в Волгограде.

Если выстроить события, показанные в фильмах, в хронологической последовательности, то получится подробный рассказ о причинах, которые привели фашизм к власти в Италии, Германии, Испании, Греции. Но это и повествование, показывающее, почему фашизм был разгромлен.

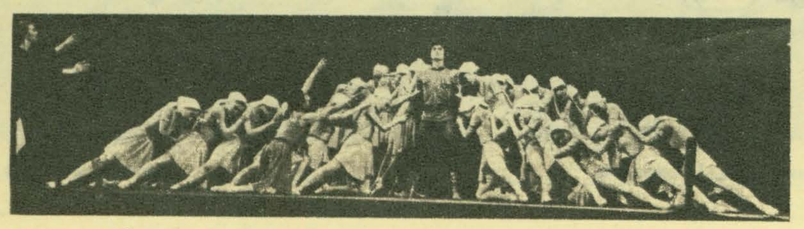
Аналитическая сила антифашистского кино, как художественного, так и документального, закономерна; люди, работавшие над этими лентами, сами были участниками и очевидцами событий, рассказанных с экрана; они сами пережили ужасы фашизма, их биографии могли бы стать основой сценариев на антифашистскую тему.

Эйб Ошерофф, шестидесятилетний плотник из Лос-Анджелеса, привез на фестиваль фильм «Мечты и кошмары» — документальный кинорассказ бойца интернациональной бригады во времена гражданской войны в Испании, а позднее участника войны против гитлеровской Германии. Джоан Хара — танцовщица, чилийская общественная деятельница, вдова антифашиста, певца и композитора Виктора Хары — представила фильм о событиях в Чили. Бывшая узница Освенцима, польский режиссер Ванда Якубовская рассказала в своей ленте об ужасах фашистского лагеря смерти...

Делегация итальянских кинематографистов, куда входили известные всему миру Джузеппе Де Сантис, Нанни Лой и молодые — Витторио Скиральди и Паоло Гамбеша,— привезли широко известные антифашистские фильмы: «Рим — открытый город», «Генерал делла Ровере», «Они шли за солдатами», «Письма с фронта».

В день открытия фестиваля во Дворце спорта была показана новая лента Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину». Мы и здесь увидели немало такого, что пережил в тяжелое лето 1942 года солдат Сергей Бондарчук; он тоже сражался тогда недалеко от тех мест, где воюют герои его фильма.

Антифашистская кинематография не замкнулась в рамках прошлого. Анализируя события, она идет в первых рядах борцов за мир и социальный прогресс, против реакционных сил.

Сцена из балета «Материнское поле».

Фото М. Строкова.

С ХУДОЖНИЧЕСКОЙ СМЕЛОСТЬЮ

Театральная сцена легко умещается в поле нашего зрения, но мы забываем, что это только сцена: перед нами — весь мир.

Идет балет-оратория «Материнское поле» по одноименной повести лауреата Ленинской и Государственной премий Чингиза Айтматова. Музыку написал К. Молдобасанов, поставил спектакль народный артист Киргизской ССР У. Сарбагишев.

Дарованию Айтматова свойственна какая-то пронзительная всеобъемлющая сила; это свойство таланта сохранилось и в балете; если попытаться перечислить действующих лиц спектакля «Материнское поле», то нужно будет назвать не только людей-героев, но и Млечный Путь и саму Землю...

Но вот война... Как рассказать о ней танцем и музыкой, как передать отчаяние женщин, которые получают похоронки!..

В селение, где живет Толгонай,— в этой роли мы видим заслуженную артистку Киргизской ССР А. Токомбаеву, — вернулся лишь один солдат. Женщины, потерявшие близких, смотрят на него с любовью, как смотрели бы на отца, брата, сына... Они видят в нем и тех, кто не вернулся. Каждое чувство, каждое настроение вызывает другое, контрастное, сообщая особую глубину происходящему.

После гибели мужа и двух сыновей Толгонай ждет весточки о последнем сыне — Маселбеке (артист Р. Ирсалиев). Но пролетают мимо воинские эшелоны, а в руках у матери — только пилотка сына, словно лодочка, сделанная ребенком...

И сольные партии и массовые сцены спектакля решены изобретательно и ярко. Великолепно исполнила вокальную партию одинокой женщины народная артистка Киргизской ССР С. Бекмуратова. Эпически звучит хор — голос Земли — в прологах, предваряющих каждое действие. Веришь, что земля, на которой живет человек, должна говорить именно так — хором гармонических голосов, выражающих людскую силу, ее многокрасочность...

Сквозь все трагические перипетии спектакль неудержимо идет к своему мужественному, оптимистическому финалу. На сцене появляется дитя — сын Алиман... Звучит хор, оркестр, а в небе вновь зажигается Млечный Путь... И все это помогает нам ощутить извечное единство человека и природы, его особую животворную мощь.

Киргизский театр обращается к сложным и глубоким произведениям. Достаточно назвать балет «Прометей» (музыка Э. Аристакесяна, балетмейстер-постановщик У. Сарбагишев) или оперу К. Молчанова «Зори здесь тихие», впервые поставленную именно на этой сцене, чтобы убедиться в огромных творческих возможностях коллектива.

А. БАТАШЕВ

Наш взгляд

РАЗРЯДКА И СТАРЫЕ ДОГМЫ

Анатолий ПОТАПОВ

Американский обозреватель Роберт Клейман из «Нью-Йорк таймс» решил изучить смысловое значение понятия «разрядка». Он заглянул в словарь и обнаружил, что французское слово «détente» — «разрядка», «ослабление напряженности» имеет и другой смысл. Оно означает также «спусковой крючок винтовки, пистолета». И вот обозреватель уже спешит заронить у читателя сомнение: а не приведет ли разрядка «к продолжению холодной войны другими средствами»? Раз где-то говорится о «спусковом крючке», так не даст ли разрядка в конце концов «толчок к новым конфликтам»?

По мере того, как процесс разрядки набирает силу, находится немало подобных любителей определить понятие «разрядка» на свой манер. Некоторые деятели Пентагона в недавних публичных заявлениях определили разрядку всего-навсего как «способ» для Советского Союза «наращивать свою военную мощь». Подобные утверждения в последние дни звучали из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, когда в столице Бельгии заседал Комитет планирования обороны Североатлантического блока. Этот комитет собрался в канун сессии Совета НАТО на высшем уровне. После поражения США во Вьетнаме и болезненной переоценки некоторых аспектов американской внешней политики в Вашингтоне было принято решение осуществить поворот к НАТО, увеличить американское влияние в Западной Европе. Смысл этого решения состоит в том, как сообщало агентство Ассошиэйтед Пресс, чтобы «попытаться предотвратить дальнейший распад Североатлантического союза».

Таким образом, речь шла в первую очередь о том, чтобы на сессии НАТО продемонстрировать «атлантическую солидарность». Но в условиях, когда предпринимается попытка обсудить на высшем уровне всю сумму политических, экономических, военных проблем, связанных с глубокими противоречиями во взаимоотношениях западноевропейских стран с США, трудно было ожидать, как подчеркивал лондонский журнал «Экономист», что удастся «инсценировать спектакль полной солидарности». Есть, однако, одно испытанное средство давления, которое всегда пускается в ход для достижения своих целей в рамках военного блока: связать своих партнеров новыми военными расходами, новой гонкой вооружений. И недаром обсуждение военных программ, в том числе так называемого «ремонта южного фланга» блока в связи с выходом из военной организации НАТО Греции и демократическими переменами в Португалии, заняло важное место в повестке дня различных встреч в рамках НАТО.

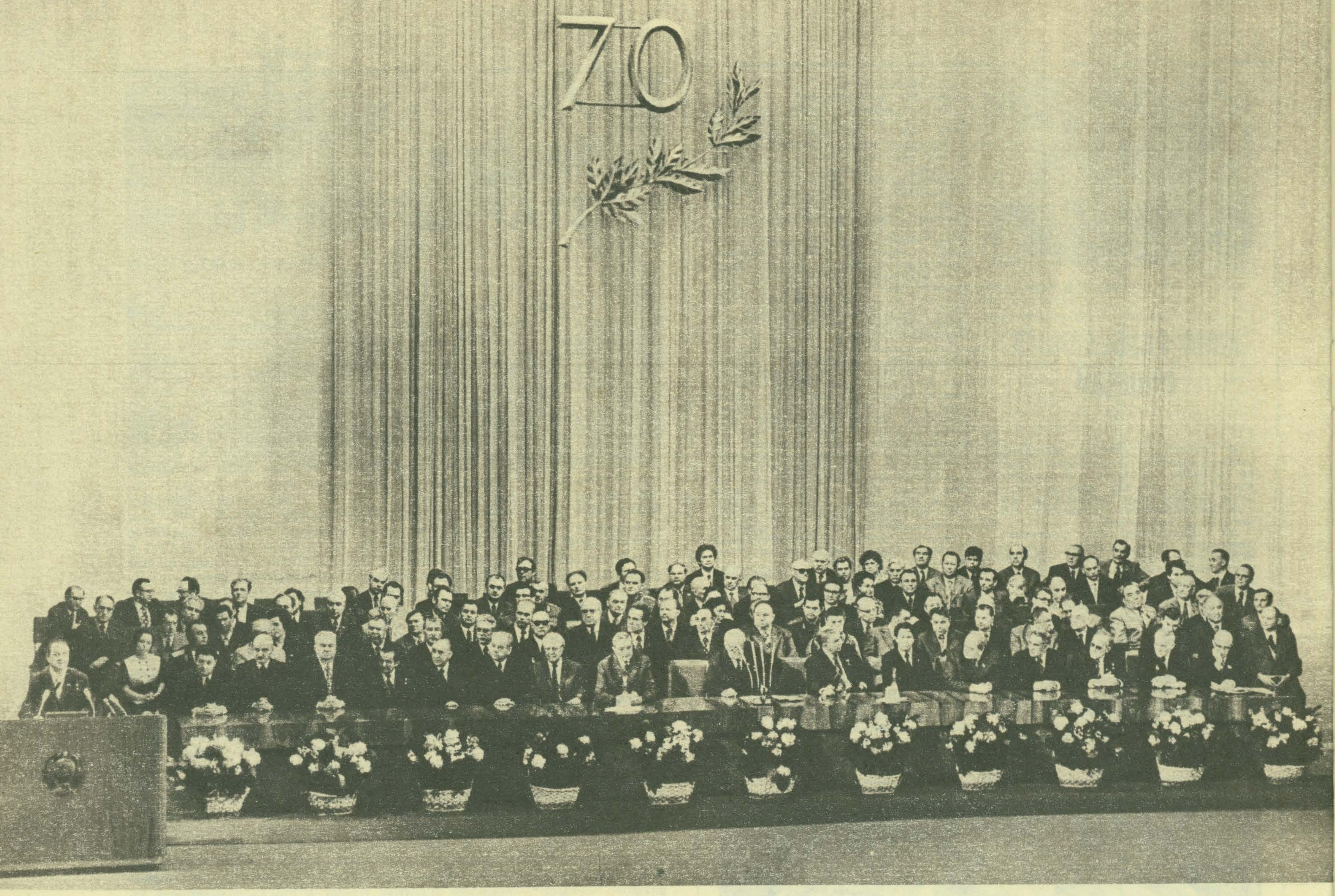
От западноевропейских стран, входящих в НАТО, потребовали увеличения военных бюджетов минимум на 3,5 процента. Было создано специальное агентство по стандартизации вооружений. Западноевропейские партнеры по НАТО призваны независимо от экономических трудностей, инфляции и других факторов регулярно модернизировать военную технику. «Этот призыв,— признает американское агентство Ассошиэйтед Пресс,— едва ли будет звучать музыкой для ушей политиков в некоторых союзных странах, таких, как Англия и Италия, где расходы на оборону сокращаются из-за экономических трудностей».

Но нужно как-то обосновать навязывание программы вооружений в условиях нового климата в Европе, когда в различных западноевропейских странах все более популярной становится политика разрядки. И вот министр обороны США Шлесинджер в интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» выдвигает такой тезис: «В основе разрядки напряженности лежит военное равновесие. Военная сила и мир взаимосвязаны». Что ж, мысль не новая. Более четверти века назад, когда создавалось НАТО, этот блок с агрессивными целями преподносился как «военный альянс во имя мира». Решив теперь вдохнуть новую жизнь в идеи «атлантической солидарности», лидеры НАТО возвращаются к старым догмам «холодной войны», которым сейчас уже мало кто верит в Европе. Правда, ныне у проповедников атлантизма появились новые сторонники...

Любопытно, что сейчас, как сообщают брюссельские газеты, даже в кругах НАТО поборников возрождения этих догм называют «маоцзэдуновским кланом». Ведь именно Пекин особенно активно поощряет тех, кто запугивает западноевропейских государственных деятелей мнимой советской угрозой, кто добивается усиления американских войск в Европе и укрепления НАТО. Пекин все более открыто выступает на стороне сил, борющихся против разрядки. Однако политика «холодной войны» отвергнута народами, она изжила себя. Вряд ли может рассчитывать на популярность и теория своего рода «вооруженной разрядки», якобы совместимой с наращиванием военного потенциала НАТО.

Нет, разрядка — это не спусковой крючок пистолета. Многие государственные деятели на Западе убедились, что в результате разумной реалистической политики дальнейшее переустройство международных отношений на основе принципа мирного сосуществования — это вполне достижимая цель.

В президиуме юбилейного вечера, посвященного 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова. Фото А. Гостева

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

23 мая в Москве, в Большом театре Союза ССР состоялся вечер, посвященный знаменательному юбилею — 70-летию со дня рождения выдающегося советского писателя и общественного деятеля, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской, Государственной и Нобелевской премий Михаила Александровича Шолохова.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся появление в президиуме товарищей В. В. Гришина, А. П. Кириленко, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова. Вместе с ними в президиуме видные писатели, деятели советской культуры, представители общественности, зарубежные гости.

Вечер открыл председатель Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 70-летия со дня рождения М. А. Шолохова писатель Н. С. Тихонов. В своем выступлении он подчеркнул, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в приветствии, направленном выдающемуся советскому писателю и общественному деятелю, выразил чувства миллионов советских людей, любящих творчество М. А. Шолохова и признательных ему за создание замечательных произведений, пожелав ему новых успехов в его многообразной деятельности.

С большим вниманием была выслушана речь, посвященная творчеству выдающегося писателя современности М. Шолохова, произнесенная первым секретарем правления Союза писателей СССР Г. М. Марковым. Он сказал: «На героях Шолохова лежит отсвет гигантских революционных потрясений XX века, и мы, современники и свидетели этих великих сдвигов, можем испытывать законное удовлетворение: люди будущего, грядущие поколения через десятилетия и века будут знать о нас правду. Ее донесут до них немеркнущие образы, запечатленные искусной рукой художника».

Теплые слова в адрес юбиляра прозвучали в выступлениях представителей советской и зарубежной общественности.

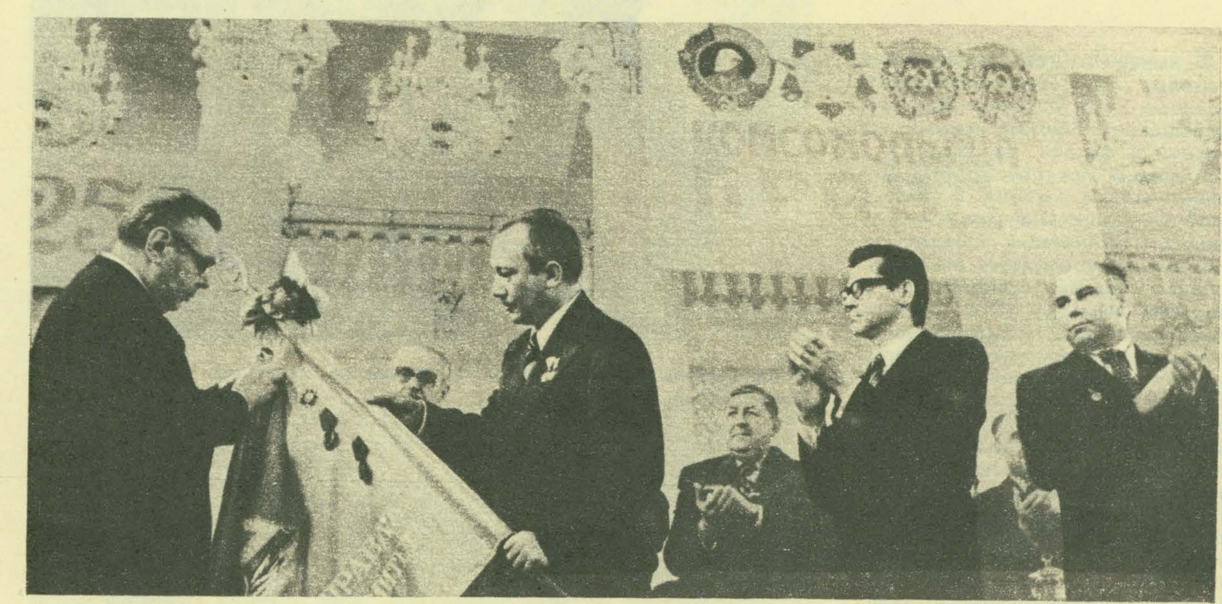
ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ «КОМСОМОЛКИ»

«Комсомольская правда» № 15319, дата выхода в свет — 24 мая 1975 года, день — суббота... Казалось бы, обычный номер. Обычный, если бы не одно обстоятельство: от первого номера его отделяют пятьдесят лет.

Накануне юбилея «Комсомольской правды» коллектив редакции, авторский актив, читателей газеты тепло и сердечно поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В его приветствии, в частности, говорилось: «Ленинский завет «Учиться коммунизму!» был и остается главным девизом юности, которой предстоит продолжить борьбу старших поколений за построение коммунистического общества».

Юность и срок в пятьдесят лет, юность и золотой юбилей — эти понятия вроде бы несовместимы. Но это не так, поскольку речь идет о не умеющей стареть, о не научившейся уставать боевой газете нашей комсомолии. Все, что свойственно юности, находит то или иное отражение на страницах «Комсомольской правды», и только поэтому она не стареет.

Но вот однажды наступает день, напоминающий о пройденном пути. Таким был день 26 мая, когда в Москве, в Колонном зале Дома союзов, собрались люди разных поколений, чтобы отметить золотой юбилей «Комсомолки».

Секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени газеты.

Фото А. Гостева

В президиуме собрания секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, ответственные работники ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, руководители центральных газет, передовики предприятий и строек.

Собрание открыл первый секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Е. М. Тяжельников. С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. С речью выступил секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР И. В. Капитонов горячо поздравил коллектив редакции, авторский актив и читателей «Комсомольской правды» с большим и радостным событием — награждением «Комсомольской правды» орденом Октябрьской Революции.

— Мне доставляет глубокое удовлетворение, — сказал он, — выполнить поручение Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева и передать вам, участникам торжественного собрания, его сердечный привет и пожелания дальнейших успехов в вашем благородном творческом труде на благо нашей великой социалистической Родины!

И. В. Капитонов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты «Комсомольская правда» орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил орден к знамени газеты.

Главный редактор «Комсомольской правды» Л. К. Корнешов сердечно поблагодарил Коммунистическую партию, Политбюро ЦК КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева за высокую оценку труда коллектива и авторского актива газеты. Затем он рассказал о славном пути, большом вкладе газеты в дело коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Летчик-космонавт Герой Советского Союза А. А. Леонов зачитал радиограмму с борта космической станции «Салют-4», которую передали в адрес юбиляра космонавты член ЦК ВЛКСМ П. Климук и В. Севастьянов.

Участники торжественного собрания единодушно приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Н. БЫКОВ

их назвал народ

Б. СМИРНОВ

САМАЯ ПОЧЕТНАЯ АНКЕТА

Алексей Михайлович Белов, машинист-инструктор депо «Измайлово» Московского метрополитена, будет баллотироваться по Дзержинскому избирательному округу столицы в Верховный Совет РСФСР. Короткие строки биографии: работает в метрополитене с 1948 года, был помощником машиниста, машинистом. И каждый москвич, прочитав эти строки, подумает о том, что за двадцать семь лет он обязательно был пассажиром поезда этого машиниста.

...Свою жизнь Белов вначале решил посвятить артиллерии. Закончено училище, получено звание лейтенанта. И сразу — война. Белов начал ее под Москвой, в Ховрине, недалеко от своего дома. Потом были бои под Можайском, Гжатском, был Ленинградский фронт, Сандомирский плацдарм в Польше. Его батарея дальнобойных орудий произвела один из первых залпов по Берлину. Закончил войну капитан Белов росписью на стенах рейхстага...

Мирная жизнь требовала новых знаний, нового подъема сил. Белов идет на курсы помощников машиниста метрополитена, а после нескольких лет работы самостоятельно подготовился на машиниста.

Побывав в депо, я просил многих товарищей Белова по работе назвать основные черты его характера. Подумав, люди отвечали: «требовательность», «скромность», «умение подать пример». Рассказывали, как бригада Белова первой в депо добилась звания бригады коммунистического труда, а потом он перешел в бригаду к молодым машинистам и тоже вывел ее в число передовых. Другие вспоминали, что у Белова есть сын, помощником работает, но совсем в другом депо. Не захотел, мол, отец, чтобы сын под крылышком рос...

От заместителя начальника депо Юрия Сергеевича Гесслера я узнал такую историю: десять лет назад Белова назначили машинистом-инструктором, но вскоре он сам отказался от этой почетной, ответственной должности, сославшись на недостаток опыта. Лишь через год, после вторичного назначения, принял эти обязанности, и вот уже десять лет смена Белова работает без замечаний. Он отвечает за то, чтобы все поезда на линии шли с точностью до секунды, инструктор должен быть в курсе малейших неполадок, если такие возникнут на каком-либо маршруте, обязан проверять и работу и настроение людей, постоянно проверять знания «своих» шестидесяти двух человек, объединенных в его группу...

— Одна из особенностей работы машинистов в том, что они редко видят друг друга, иногда неделями не встречаются,— продолжал Ю. С. Гесслер,— инструктор становится как бы связующим звеном коллектива. Вот он на какой-то станции дождался очередного поезда, входит в кабину. Конечно, первым делом служебные разговоры, беглая проверка и все такое прочее. А машинист с помощником уже много часов в работе, у каждого — свои заботы... Белов умеет уловить настроение — одного подбодрить, другого отвлечь от посторонних мыслей—короче, поддержать в кабине необходимый «микроклимат». Здесь мало быть специалистом, человеком надо быть... Например, приходит Белов к начальству и объясняет: такой-то машинист неуверенно, сбивчиво отвечает на техническом зачете (подобные проверки у нас постоянно устраиваются), но прекрасно разбирается в своем деле—просто характер такой, что на людях теряется... А в другой раз диспетчер докладывает, что Белов добрую половину смены провел в кабине молодого машиниста — оказалось, у парня в тот день сын родился. Все это в сочетании с самой строгой требовательностью...

Сейчас депо «Измайлово» в честь предстоящего XXV съезда партии приняло новые высокие социалистические обязательства, а их можно выполнить только при условии мобилизации всех сил и знаний коллектива, при самой высокой дисциплине. Пример такой работы показывает Белов...

Три боевых ордена хранится у Алексея Михайловича со времен войны. В мирные дни он награжден орденом Ленина, удостоен звания Героя Социалистического Труда. Дважды был депутатом Московского городского Совета, избирался в Верховный Совет РСФСР. Впрочем, эти данные можно прочесть на предвыборных плакатах—самых почетных анкетах человека нашего государства.

А. ДЗАСОХОВ

ГОРИЗОНТЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Фото С. Выдрина.

В нынешнем году африканские народы, прогрессивная общественность мира встретили День освобождения Африки новыми успехами в борьбе за свободу и социальный прогресс, против колониализма и расизма. В связи с этой знаменательной датой, по решению Организации Объединенных Наций, проводится Международная неделя солидарности с борьбой народов Юга Африки. Многочисленные международные и национальные мероприятия проходят в условиях значительно ускорившейся ликвидации остатков колониализма на африканском континенте, чему весьма способствовало падение фашистского режима в Португалии.

Преступная политика салазаровского режима дорого обошлась португальскому народу. Согласно данным, опубликованным лиссабонской газетой «Диариу популар» (прежде эти данные держались «за семью печатями»), за 13 лет колониальных войн погибло 7 647 португальских солдат и офицеров, тяжело ранено 27 919. Военные же расходы Португалии — наиболее экономически отсталого государства Западной Европы — составили 120 миллиардов эскудо.

В пламени колониальных войн не только сгорел дотла миф о «стабильности» и «вечности» пятисотлетней португальской «империи». Развитие национально-освободительного движения способствовало возмужанию, закалке, обогащению опытом его ведущих сил — Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), Фронта Освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). Еще задолго до освобождения своих стран от ига колонизаторов ПАИГК, ФРЕЛИМО и МПЛА выдвинули задачи социально-экономического переустройства и приступили к их практическому решению. На освобожденных территориях Гвинеи-Бисау, Мозамбика и Анголы создавались органы народной власти, школы, больницы, накапливался опыт административно-хозяйственного строительства.

Справедливая национально-освободительная борьба народов бывших португальских колоний, обнажившая всю порочность и несостоятельность диктаторского режима и в самой Португалии, стала мощным стимулом к его падению и последующему окончательному уходу с политической арены. События 25 апреля 1974 года открыли перед «заморскими территориями» возможность удовлетворения их стремления к полной политической независимости. На взаимосвязь двух этих процессов неоднократно обращали внимание борцы против фашистской тирании. Еще в 1964 году генеральный секретарь Португальской коммунистической партии товарищ Алваро Куньял писал в своей книге «Путь к победе»:

«Освобождение португальских колоний — это не только справедливое дело порабощенных народов, но и насущная необходимость самого португальского народа. И чем быстрее это произойдет, тем лучше. Если Португалия хочет быть свободной, должны быть свободными и португальские колонии».

Сейчас на обломках колониальной «империи» Лиссабона возникают новые независимые государства. На пути к полному суверенитету находится и Ангола — крупнейшая из бывших португальских колоний в Африке.

Председатель МПЛА А. Нето выступает на массовом митинге в столице Анголы.

Улица в Луанде.

...В ангольской столице — красивом современном городе Луанде, в эти дни можно видеть бойцов в форме со знаками различия, указывающими не на звание или род войск, но на принадлежность к разным освободительным движениям. Дело в том, что по ряду причин в Анголе действует не одна партия, как в Гвинее-Бисау или Мозамбике, а несколько. Кроме уже упомянутого Народного движения за освобождение Анголы, в сформированное в начале января переходное правительство входят представители двух других организаций — Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА) и Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА).

В годы вооруженной борьбы народа Анголы за независимость колонизаторы и их пособники обрушивали главные удары на МПЛА, возглавившего широкие массы патриотов и несшего главное бремя партизанских действий. И сейчас, в так называемый переходный период (независимость Анголы должна быть провозглашена 11 ноября нынешнего года), реакция пытается ослабить влияние МПЛА любыми средствами. В ход пускается и разжигание племенной розни и провокационные слухи, прямые диверсионные акты.

Ныне, когда на повестку дня ставятся проблемы дальнейшего социально-экономического развития, когда не все из действующих в стране политических сил представляют будущее на основе подлинной независимости, главной опасностью является неоколониализм, который не желает отказываться от грабежа богатейших природных ресурсов страны.

Так, например, можно напомнить, что до сих пор в Анголе орудует компания «Диамант» по добыче алмазов, контролируемая южноафриканским, английским, американским и бельгийским капиталом; месторождения железной руды разрабатываются компанией «Минейра ду Лобиту», где основной пакет акций принадлежит концерну Круппа; американская «Кабинда Галф Ойл компани» выкачивает нефть Кабинды и т. д. Однако не для того народы Анголы и других португальских колоний столько лет боролись за свою независимость, чтобы позволить иностранным хищникам по-прежнему бесконтрольно присваивать богатства, принадлежащие африканцам.

Независимость Гвинеи-Бисау, Мозамбика и Анголы означает и установление новых, подлинно равноправных отношений с другими государствами, отношений без какой-либо дискриминации и ущемления суверенитета. В этом направлении поистине огромны перспективы упрочения связей с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, последовательно и принципиально поддерживавшими борьбу народов Гвинеи-Бисау, Анголы и Мозамбика за национальную независимость. Советские люди приветствовали португальскую революцию и те позитивные перемены, которые последовали в ее африканской политике. Неизменно верный своему интернациональному долгу, Советский Союз всегда был, есть и будет на стороне народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение. Наша уверенность в успешном завершении процесса деколонизации Африки, торжестве прогресса и справедливости прекрасно выражена в словах Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева: «Крушение португальского колониализма — это крупный рубеж в борьбе за полную и окончательную ликвидацию колониального рабства на африканском континенте. Мы убеждены, что близок день, когда вся Африка — от мыса Доброй Надежды до Западной Сахары — будет свободной!»

НАЗЫВАЕМ ИХ ИМЕНА

ОГОНЁК

FREIE WELT

Называем их имена. Имена тех, кто прошел путь войны длиной в 1 418 дней.

Тех, кто встретил День Победы в Берлине.

Тех, кому не пришлось дожить до этого счастливого дня.

Тех, кто верно хранит в своей памяти и в сердце своем имена и лица Солдат Победы.

Вот они перед вами, эти лица. 2 мая 45-го у Бранденбургских ворот сделал этот снимок военный корреспондент Евгений Халдей. Мы попытались узнать о судьбе воинов, запечатленных на фотографии. Вместе с журналом Общества германо-советской дружбы «Фрайе Вельт» «Огонек» объявил поиск под девизом «Отзовитесь!». 63 человека обозначено на фотографии. А писем пришло около 500! И мы хотим вам рассказать прежде всего о том, как шел поиск.

«У нас на ВАЗе работает Загребин Константин Федорович. Он узнал себя в «Огоньке».

«На этом снимке — отец трех учеников нашей школы Григорий Иванович Яцковский (стоит в пилотке под стволом танка, против второй колонны). Он коммунист, работает в колхозе «XXII съезд КПСС» нашего района. У Яцковского есть медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». О событиях тех лет он рассказывал нам и на партийном собрании колхозной бригады. Будем очень рады, если наше письмо вам пригодится.

Члены КИДа «Факел» Григоровской восьмилетней школы, Лазовского района, Молдавской ССР».

«На снимке я узнал себя и моего боевого друга Федю Юцая»,— написал кавалер двух орденов Славы А. Кравченко. Его письмо мы опубликовали в «Огоньке». И сразу же откликнулся бывший начальник штаба 1203-го Берлинского полка Бугримов: «Кравченко и Федя Юцай были в моей батарее наводчиками». А потом на стол редакции легло письмо из Баку: «На фотографии, которую вам прислал Кравченко, я нашел себя. Мое самоходное орудие участвовало в штурме рейхстага. Мне в то время было двадцать лет». И подпись: кавалер орденов Славы и Отечественной войны гвардии старшина Ф. Юцай.

Как же мы радовались, когда соединялись эти ручейки в потоке почты, когда однополчане находили друг друга!

«Я был командиром орудия в 8-й гвардейской дивизии. Дрались за Берлин насмерть! На стволе моего орудия — 34 звездочки. Из восьми человек орудийного расчета нас осталось только трое да шофер Вахрушев...» — написал из города Мирного Ф. Долгонов, который шестнадцать лет работает в алмазодобывающей промышленности. И почти день в день с другого конца страны, из Архангельской области, пришло письмо от... Вахрушева. «Я узнал на снимке в «Огоньке» свой орудийный расчет 76-мм пушки 163-го истребительного противотанкового артиллерийского полка. За штурм Берлина награжден орденом Красной Звезды. Вот уже 27 лет я учу ребят. Сейчас директор средней школы».

«О фотографии в вашем журнале я услышал из передачи «Маяка», когда лежал в больнице,— старые раны дают знать о себе. Позвонил домой, сын-шестиклассник принес журнал. На снимке я справа, с перевязанной головой. Л. Онищенко».

Иногда из конверта выпадала страница областной или районной газеты, которая перепечатала снимок «Огонька» и помогла найти участников митинга.

«На снимке я нашел своего отца. Командир первого пехотного батальона 1 054-го пехотного полка 301-й стрелковой дивизии пятой ударной армии майор Айрапетян Грач Минасович стоит на танке, у задней части башни.

Отцу, как и его товарищам, пришлось пройти тяжелый путь. Перед самой войной папа окончил Бакинское общевойсковое училище. С первого и до последнего дня войны он провел на передовой.

В Советской Армии папа прослужил 30 лет, в 1972 году ушел в отставку в звании полковника.

На смену ему пришли сыновья: мой старший брат Минас — лейтенант Советской Армии, я, Артем,— курсант Одесского высшего артиллерийского командного ордена Ленина училища имени М. В. Фрунзе»,— написал Артем Айрапетян.

А вскоре мы получили письмо от самого Грача Минасовича: «Нашей дивизии выпала честь штурмовать имперскую канцелярию. Вместе с первым батальоном, которым я командовал, действовали две танковые роты тяжелых танков «ИС-2». После взятия рейхсканцелярии мы получили приказ передислоцироваться в район Трептов-парка. По пути я подошел к танку и поднялся на броню. Я оказался в плащ-накидке, потому что во время боев за Берлин мне присвоили звание майора, а погон у меня не оказалось».

«Прошу вас, пришлите скорее адрес моего командира Грача Айрапетяна. Я узнал его на фотографии»,— просит из села Вербки, Днепропетровской области, Илья Анисимович Шабельник.

Порой в редакции раздавался телефонный звонок. В трубке долго молчали, потом слышался взволнованный голос: «Простите, мне трудно говорить. Я узнала на снимке своего сына, он пропал без вести...» Как было больно отвечать: «Нет, это не он».

Их у нас оказалась целая стопка — писем, в которых говорилось о том, что самый близкий человек погиб или пропал без вести задолго до того, как был сделан этот снимок в Берлине. И все-таки снова и снова всматривались в фотографию матери, жены, сестры, отыскивая знакомые, родные черты. Сердце не хотело примириться с потерей, сколько бы лет ни миновало с того горького часа, когда в дом принесли похоронку.

«В верхнем ряду первый справа наш единственный сын Егоров Юра. Он призван из десятого класса в 42-м году. В тот же день я проводила на фронт и мужа. Через полгода пришло извещение, что сын пропал без вести. Может, кто из солдат на фотографии встречал нашего Юру — он воевал в армии генерала Чуйкова. Сообщите нам. Ведь так хочется услышать о нем!

Егорова Евдокия Александровна, 73 года. Село Подлесное, Саратовской области».

«Я воевал с двумя сынами, но они не дошли до Берлина.— Это из письма С. Г. Евтерева.— Мне уже восьмидесятый год,— пишет он.— Наш 1170-й артполк 197-й отдельной артбригады входил в армию Катукова. Очень прошу, напечатайте мой адрес, пусть кату-

ковцы мне напишут». Выполняем Вашу просьбу, Семен Григорьевич, сообщаем Ваш адрес: Волгоградская область, Котельниковский район, п/о Захаровское, С. Г. Евтереву.

«Из экипажа нашего танка нас осталось двое — я и механик-водитель Бородин Алексей,— сообщил С. Гузеев из села Белый Колодезь, Белгородской области.— Командир танка лейтенант Малышев и заряжающий — фамилию его не помню — погибли на улицах Берлина в ночь на первое мая. Как горько было хоронить друзей накануне Победы!»

«Слова, которые говорили на митинге 2 мая 1945 года, я помню до сих пор: «Мы остались в живых, но всегда будем помнить тех, кто погиб, и равняться на них. Они всегда с нами». Я жить стараюсь так, как мы договорились, давая эту клятву. Работаю электрослесарем на Ермаковской ГРЭС. *А. Мищенко»*.

Приходили письма из райвоенкоматов: «Это наш ветеран на снимке у Бранденбургских ворот». В редакцию присылали строки из послужных списков, солдатские книжки, копии наградных свидетельств, благодарности командования. Люди хранят их как святыню, как историческую реликвию. И снимок в «Огоньке» тоже стал для многих семейной реликвией, с которой не хотели расставаться. Поэтому фотографию переснимали, перерисовывали и, помечая на ней своих близких, посылали в редакцию. А у нас висела увеличенная фотография митинга 2 мая 1945 года, и мы каждый день с радостью отмечали на ней: «Еще один солдат жив, отозвался!»

Иногда получалось так, что одно и то же лицо признавали своим, родным, единственным в разных концах страны, и к нам приходили снимки — каким он был тогда, каким стал теперь. Они и впрямь чем-то неуловимо похожи друг на друга, эти солдаты. Ведь почти всем, кто оказался в тот день в Берлине, было двадцать с небольшим!

Значит, сейчас им немного за пятьдесят. Теперь они стали известными, уважаемыми людьми. Е. А. Жуков — доктор медицины, профессор Пермского мединститута. С. И. Кравченко — контрольный мастер Ростовского вертолетного завода. А. Г. Пакуль — зоотехник, секретарь парткома колхоза имени Дзержинского, Павлоградского района, Днепропетровской области, по итогам восьмой пятилетки награжден орденом Трудового Красного Знамени. «Иначе жить не может ветеран»,— написал участник штурма Берлина шофер Я. Л. Остапенков, ударник коммунистического труда.

А тогда? Кем они были тогда, тридцать лет назад?

Младший лейтенант Жуков командовал огневым взводом 1242-го артполка 179-й гаубичной бригады. Старшина Кравченко был минометчиком в 1373-м стрелковом полку 416-й стрелковой дивизии. Пакуль воевал в 236-м гвардейском полку 74-й гвардейской дивизии.

Письма в «Огонек» они так и подписывают своим воинским званием тех лет. Они все еще чувствуют себя солдатами той великой армии, что принесла миру свободу.

Их письма — это биография нескольких поколений.

«Я начал войну в сорок первом» — с этих строк начинаются многие письма, с этого года начинался их воинский путь.

«В 41-м я был студентом-второкурсником. Готовился к сессии. А пришлось держать другие экзамены: в боях на Крымском фронте, где я получил первое ранение»,— вспоминает Б. Миртагиев из Баку. И этот экзамен с честью выдержали все Солдаты Победы. Они выполнили свой долг перед Родиной, прославив русское оружие на полях великой битвы. И те, кто дошел до Берлина. И те, кто жизнью своей заплатил за наше счастье жить в мире.

Механик танка Т-34 Анвар Сулейманов из азербайджанского села Говузлу прошел от Брянска до Берлина. Теперь он учитель и весь свой боевой путь начертил на листке школьной тетради. Всего тридцать клеточек. В них вместились 1 418 дней войны...

«Мне было 15 лет, когда началась война. Она застала меня в пионерлагере. Контуженного во время бомбежки, меня подобрали воины 12-го танкового полка, который стал потом 23-й гвардейской танковой бригадой. С этой бригадой я прошел от Наро-Фоминска до Берлина. Помогите разыскать моего командира взвода разведки Кобзева Леонида Михайловича. Он был для меня отцом»,— написал М. Казинец из Симферополя.

Отцы и сыновья. Они подымались в атаку вместе, как Василий Тимофеевич и Андрей Васильевич Гусаровы. Сын воевал на Черном море, а отец защищал Сталинград, освобождал Польшу и 2 мая был в Берлине у Бранденбургских ворот. «Мой отец не был военным человеком,— написал А. В. Гусаров.— Но так уж получилось, что свои лучшие годы отдал делу победы Советской власти. В 1918-м добровольцем вступил в Красную гвардию, освобождал Симбирск от белых. В девятнадцатом дрался с Дениkиным и белоказаками у Царицына и под Астраханью в Чапаевской дивизии. Потом гнал из Туркестана басмачей... А был он лесником и до последних дней — отца не стало в 69-м — работал в Ульяновском лесхозе».

Чапаевец дошел до Берлина!

Из писем, которые прислали в редакцию ветераны, мы восстановили подробности того памятного дня — 2 мая 1945 года.

«Бранденбургские ворота были взяты воинами 2-го батальона 1373-го стрелкового полка. Этим батальоном командовал я,— сообщил из Кировабада подполковник запаса Х. С. Гюльмамедов.— Митинг организовали мой заместитель по политчасти майор Дмитрий Дежурнов и комсорг полка старший лейтенант Иосиф Вул».

О том, как это было, подробно рассказывает напечатанное в № 10 «Огонька» письмо И. Вула.

Читатели помогли нам узнать имена тех, кто водрузил знамя над Бранденбургскими воротами. Это П. Е. Волик, который живет сейчас в Запорожье, И. Андреев, Н. Бережной и К. Дудеев, о которых мы рассказали в восемнадцатом номере.

Нас интересовало, откликнутся ли те, кто привел к Бранденбургским воротам танк, ставший трибуной митинга.

«Наш 48-й гвардейский тяжелый танковый полк, которым я командовал в Одерско-Берлинской операции (командир полка находился в госпитале), за берлинскую операцию награжден орденом Кутузова с присвоением наименования «Бранденбургский»,— пишет А. Борисов из города Балахна.— 2 мая по приказу командующего 1-й гвардейской танковой армией генерала Катукова полк направлялся на южную окраину Берлина. Маршрут наш проходил через Бранденбургские ворота. Много раз останавливались, стихийно возникали митинги. Вы можете понять тогда наше состояние. Война кончена! Кто пережил бои за Сталинград (а я участвовал в окружении сталинградской группировки), тот поймет, какое это счастье!»

«Первого мая наш танк участвовал в боях за рейхстаг. На его стене я ножом вырезал: «Я, танкист Бисенов М. Н., сегодня дошел до рейхстага». Утром 2 мая мы встали у Бранденбургских ворот. Начался митинг. Здесь я услышал, как поэт Евгений Долматовский читал свои стихи, написанные у Бранденбургских ворот. До войны я был учителем и сейчас продолжаю учительствовать в своем родном колхозе «Интернационал» у себя на родине, в Туркмении».

А кто вместе с поэтом стоит на танке? Первым себя узнал москвич А. Ф. Бобров. «Это я. Видите, на мне женская шинель. Когда выписывался из госпиталя, другой не оказалось». Боброва узнали многие. Так же, как узнали солдата с забинтованной щекой. Это Л. М. Онищенко. Сегодня он работает начальником геологической партии в Актюбинске.

А в плащ-накидке на танке Грач Минасович Айрапетян. Его узнали шесть человек.

«Второй слева в пилотке стоит на танке наш товарищ, Вербенчук Михаил Устинович. Он был разведчиком, а сейчас живет в поселке Росляково, Мурманской области».

Человек, присевший на танке, по всей вероятности, комбат Черняк. «На фотографии я узнал комбата Черняка, сидящего на танке, старшего лейтенанта Боброва и нашего парторга батальона. Фамилию, к сожалению, не помню. Кажется, он из Средней Азии»,— отозвался Д. Стамбеков из города Кентау.

«Офицер, который стоит в центре у танка и смотрит в сторону фотографа,— это я, бывший парторг батальона Давыдова, входившего в состав 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой, ныне Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии, старший лейтенант Исаков Каримджан»,— написал наманганский областной военный комиссар из Узбекистана.

Многие вспоминают, что еще утром 2 мая, до митинга на Паризерплац, у самых Бранденбургских ворот располагался немецкий госпиталь и советские солдаты, которые только-только вышли из боя, развозили раненых по своим медсанбатам.

Восстановить картину этого дня нам помог бывший военный комиссар Генерального штаба, член Военного совета ряда фронтов и 5-й ударной армии генерал-лейтенант Федор Ефимович Боков. Вместе с ним смотрели мы почту поиска. А потом он достал свою старую карту Берлина, и шаг за шагом мы прошли с ним по местам, где сражались те, кто написал в редакцию.

Бывший командир 2-го стрелкового батальона 1050-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии Ф. Шаповалов из Севастополя прислал пачку фотографий. И среди них снимок, который он сделал в полдень 2 мая, когда члены Военного совета 5-й ударной армии осматривали имперскую канцелярию. На фотографии — командир 5-й ударной армии Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков и Артур Пик...

Мы обратили внимание Федора Ефимовича на то, что особенно много пришло писем от бывших воинов 416-й стрелковой дивизии. «Да, это не удивительно,— ответил он.— Еще 1 мая эта дивизия изготовилась наступать по Унтер-ден-Линден. А рядом с ней наступала 295-я дивизия, которая участвовала в штурме рейхсбанка».

Вот почему наш долгий поиск тех, кто водрузил знамя над Бранденбургскими воротами, привел к героям из этих двух дивизий.

Как много сохраняет память... В ней запечатлены навсегда кадры тех памятных лет, и время не размыло четкости изображения. Об этом думаешь, когда читаешь почту поиска «Отзовитесь!». В ней оказалось много писем-исповедей. Фотография, сделанная 2 мая 1945 года, растревожила сердце бывшего фронтовика, и тогда он брал перо и страницу за страницей рассказывал, как учился воевать, как переживал горечь утрат и радость побед.

Человек рассказывал свою биографию, которая была подвигом, но сам он не писал этого слова. Никто из них не написал: «Я совершил подвиг». Но, читая эти страницы, видишь величие души советского человека, величие его бессмертного подвига.

Вглядитесь в эти дни в лица тех, кому сейчас за пятьдесят. Это их поколение завоевало для нас счастье мирной жизни. Наш святой долг — передавать из поколения в поколение не легенду об их жизни, а правду. И правда эта в письмах вашего отца, брата, мужа. Берегите эти святыни, пусть дойдут до правнуков наших. Пусть прочитают они письмо, которое написал ровно тридцать лет назад, в День Победы, в Берлине русский солдат Николай Доронин своей жене:

«Здравствуй, милая моя Даша! Настал долгожданный час, о котором мы все мечтали. Все кончилось. Больше нет войны. Это великое счастье и великая Победа нас, фронтовиков, и вас, тружеников тыла. Я лично ликую и не знаю, как выразить все, что творится в душе от счастья. Немцы — гражданские, солдаты, офицеры — проклинают Гитлера. Они еще говорят вполголоса, озираются по сторонам, будто их схватит гестапо. Им говорили, что мы с рогами, что расстреливаем и насилуем. Сначала они прятались, а потом увидели: советские солдаты дают им хлеб, папиросы. А вчера я на радостях одного рабочего угостил водкой. Пусть знают, какие мы, русские.

Милая Даша! Вчера был на линии фронта салют. Салют Победы. Мы теперь отдыхаем. Живем в лесу. Лето. Тепло. Тишина. Как это прекрасно! Я обнимаю всех, всех и целую!!!

Николай.

Берлин, 8 мая 1945 года».

Поиск под девизом «Отзовитесь!» вели Н. ИВАНОВА, Н. КРЫЛОВА.

Г. Логинов, В. Памфилов. ЗНАМЯ ПОБЕДЫ. (Фрагмент).

Н. Овечкин. БОЙ ПОД ЛЕНИНО.

ПРИГЛАШЕНИЕ В БЕРЛИН

Вот они, участники штурма Берлина, которых разыскал «Огонек» (слева направо): Т. Н. Балтыжаков, М. А. Махмудов, У. А. Халилов, А. Ф. Бобров, В. Н. Катышев, И. А. Бородулин, Н. Т. Царькова, Л. М. Онищенко, А. С. Абовян.

Фото А. ГОСТЕВА

Сегодня мы подводим итоги поиска, объявленного совместно журналом «Огонек» и «Фрайе Вельт» (ГДР) 1 января 1975 года под девизом «Отзовитесь!». Мы пригласили в редакцию заместителя председателя Комитета ветеранов войны генерал-полковника Ф. Ф. Кузнецова, бывшего военного комиссара Генерального штаба, члена Военного совета ряда фронтов и 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова, представителя посольства ГДР в СССР Э. Вайса, заведующего корпунктом журнала «Фрайе Вельт» в Москве П. Вурхе, автора снимка Е. Халдея.

Нелегко было выбрать девятерых из громадного числа участников штурма Берлина. Всем им мы отдаем дань глубочайшего уважения и признательности. Выбирая кандидатов для поездки в ГДР, было решено отдать предпочтение бойцам 416-й и 295-й стрелковых дивизий, которые вели сражение за Бранденбургские ворота. Именно бойцы этих двух дивизий водрузили красное знамя над ними. Мы старались остановить свой выбор на тех, кто безусловно присутствует на этой фотографии, кого узнали многие читатели.

Одним из них оказался капитан, командир батареи 120-мм минометов 1010-го стрелкового полка 266-й Артемовской Краснознаменной ордена Суворова Берлинской дивизии **В. Н. Катышев.** За штурм Берлина он награжден орденом Ленина. После войны он много лет отдал партийной работе, был делегатом XX съезда КПСС.

В числе тех, кого редакция «Фрайе Вельт» пригласила в Берлин,— полный кавалер ордена Славы **И. А. Бородулин.** Он всю войну командовал взводом полковой разведки, участвовал в штурме Берлина. А теперь работает старшим тренером Мурманского автоклуба, готовит молодежь к службе в рядах Советской Армии.

В состав делегации было решено включить бывшего гвардии старшего лейтенанта заместителя командира батальона по политической части 1374-го стрелкового полка 416-й Таганрогской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии москвича **А. Ф. Боброва**, его однополчанина **У. А. Халилова**, бывшего рядового санинструктора, а теперь заведующего хирургическим отделением больницы села Кабахчель, Белоканского района, Азербайджанской ССР, бывшего командира 1054-го артполка этой же дивизии гвардии полковника в отставке **М. А. Махмудова.**

Среди героев, которых мы нашли в ходе поиска,— бывший ефрейтор **Л. М. Онищенко** из 48-й гвардейской артбригады РГК, который водрузил знамя своей части на ратуше и был при этом тяжело ранен. Кавалер двух орденов Красной Звезды кандидат геологических наук Л. М. Онищенко ныне начальник геологической изыскательской экспедиции в Казахстане.

Многие участники митинга запомнили «пулеметный расчет армян», о котором мы рассказали в девятом номере «Огонька». Все пятеро откликнулись на наше обращение. Представляет пулеметный расчет 166-го стрелкового полка 20-й дивизии 28-й армии бывший наводчик расчета младший сержант **А. С. Абовян.** Сегодня он капитан милиции, старший госавтоинспектор Аштаракского района.

В составе делегации — гвардии старшина 98-го гвардейского самоходного Бранденбургского артдивизиона 89-й гвардейской дивизии **Т. Н. Балтыжаков** из Абакана, по национальности хакас. После войны — сотрудник местной газеты «Ленинский путь».

И, наконец, единственная женщина, которая есть на снимке Е. Халдея, — телефонистка 1-й стрелковой роты 1178-го стрелкового полка 360-й стрелковой дивизии Надя Радченко, ныне **Н. Т. Царькова.** Ушла на фронт добровольцем, ей было тогда всего 14 лет, войну закончила в Берлине. Сейчас живет в узбекском городе Карши, строит дома.

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков рассказывает, как шли бои в центре Берлина.

Фото Б. КУЗЬМИНА

Заместитель председателя Комитета ветеранов войны генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов, представитель посольства ГДР в СССР Э. Вайс, заведующий корпунктом журнала «Фрайе Вельт» в Москве П. Вурхе, автор снимка Е. Халдей в редакции «Огонька» знакомятся с почтой поиска «Отзовитесь!».

Фото В. КАПУСТИНА

Редакция журнала «Огонек» сердечно благодарит всех читателей, которые откликнулись на наше обращение и приняли живое участие в поиске под девизом «Отзовитесь!», всех, кто нам написал и помог отыскать участников штурма Берлина.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Е. КОРНЕЙЧУКА

Микола ЗАРУДНЫЙ

ВДОХНОВЕ

Он любил этот дом с широкими окнами, глядящими на все четыре стороны света, и тихий сад, посаженный его руками, и цветы, которые росли везде, где им только заблагорассудится. Из окон кабинета был виден Днепр и бесконечные луга. Летними ночами, когда над домом загорались яркие звезды, а на реке — сигнальные огни для теплоходов и неутомимых барж, он выходил на берег и сидел, вслушиваясь в музыку реки и ночи, и низкие гудки проходящих судов звали куда-то и тревожили душу.

Не дождавшись его, Ванда Львовна спускалась по узкой стежке к берегу, приносила плед.

— Туман подымается, холодно, Саша, врачи ведь говорили тебе, чтобы...

— Да, да, я помню... скоро приду...

Она уходила, оставив плед, зная, что он так и пролежит, забытый на сыром песке. Он не любил пледа, который был для него почему-то атрибутом старости.

— Плед — это потенциальный саван,— смеялся он.

Надо же такое придумать...

На рассвете исчезали таинственные видения ночи, река оглашалась моторами судов, лодок. Радиорубки экскурсионных теплоходов транслировали бесконечные концерты, прерываемые при подходе к Плютам голосами вахтенных:

— Товарищи экскурсанты, справа (или слева) по борту нашего теплохода виден дом с красной крышей. Здесь живет и работает Александр Корнейчук...

После этого сообщения все устремляются к одному борту, и судно дает крен... Бинокли переходят из рук в руки: дом как дом, ничего особенного... Аж обидно.

— А я видела его, честное пионерское!

— И я видел... в саду, что-то пишет!

Видевших его становится все больше и больше, даже на сообщение в последних известиях, что Александр Корнейчук вчера выступал на заседании Всемирного Совета Мира в Хельсинки, никто не обращает внимания...

С этим домом у него связано очень многое — почти все послевоенные пьесы написаны здесь. Сюда он приносил свои радости, тревоги и раздумья, чтобы все это потом воплотилось в образах, мыслях и деяниях людей не выдуманных, а рожденных жизнью и его талантом.

В доме всегда было много солнца, книг и людей. Из мебели — ничего лишнего, самые любимые книги — в кабинете, картины тоже, рыбачьи снасти — на почетном месте — на веранде: спиннинги, удочки, разные приспособления для ловли сомов, щук, неимоверное количество крючков, которые щедро раздаривались всем и с заверениями, что «на них рыба идет сама». Для авторитета Александр Евдокимович всегда ссылался на Ванду Львовну, которая сама знала толк в рыбалке и писала о ней с особой любовью и тонким юмором. Иногда они вдвоем уезжали за Канев на неделю, жили в палатке и возвращались с очень скромным уловом, но разных историй, встреч всегда было много, и рассказывалось о них весело, остроумно, как о маленьких праздниках.

Но плютинские праздники Корнейчука и Ванды Василевской — это не только встречи с друзьями и новые знакомства, самым большим праздником были будни, когда писалось... Работа захватывала его всего, неимоверно ускорялся бег времени...

— Я и не заметил, как наступило лето,— сказал Корнейчук, дописав последнюю строчку в «Странице дневника».

Появление каждой новой пьесы Александра Корнейчука всегда вызывало огромный интерес, и не удивительно, что «Страница дневника» сразу же привлекла внимание театров. Из Малого театра позвонил Михаил Иванович Царев и просил срочно выслать пьесу, торопило Министерство культуры, приезжали завлиты театров, но пьеса в единственном пока экземпляре лежала в старой коричневой папке.

— Надо прочесть актерам, пусть скажут они... Поедем к актерам...

1 июля 1964 года на теплоходе «Гоголь» мы отправились в Херсон, где в то время гастролировал театр имени Ивана Франко... Все свои пьесы Александр Евдокимович читал прежде всего франковцам, своим долголетним друзьям.

Три дня длилось наше путешествие по Днепру. В первый же день капитан пригласил Александра Евдокимовича на встречу с командой. Потом пришли молоденькие учительницы, сопровождавшие своих питомцев в Каховку. Ребята повязали ему красный галстук и не отпускали часа четыре. Они видели его пьесы, они, конечно, «проходили Корнейчука» в школе, но есть у них сотни вопросов. И не только о «Гибели эскадры», о «Фронте», но и об Америке, о Франции. Иногда вопросы были глобальные:

— Будет ли война?

— Когда, Александр Евдокимович, настанет коммунизм, везде-везде?

А потом попроще:

— Что сейчас делает генерал Огнев?

— Где сейчас работает Чеснок и что делает Галушка?

«Гоголь» пришвартовывался к причалам маленьких пристаней, и на палубу, прослышав, что там выступает Корнейчук, подымались студенты в форменных куртках строительных батальонов, колхозницы в белых платках, механизаторы с Днепродзержинской ГЭС. Снова вопросы и даже письменные заявления. Среди них была просьба снабженца из Херсонского хлопчатобумажного комбината помочь достать два мотора, работница районного отдела культуры о «содействии в приобретении набора инструментов для духового оркестра», кто-то просил, чтобы дали новую квартиру, кто-то хлопотал об увеличении пенсии. Вечером Александр Евдокимович долго читал эти письма и делал какие-то записи в блокноте...

Позже, на премьере «Страницы дневника», он сказал: «Написали мне, что оркестр уже играет...»

Старая коричневая папка с пьесой лежала на столике в каюте. Мне, конечно, очень хотелось прочесть ее, и я сказал об этом Александру Евдокимовичу.

— Я прочту тебе сам,— ответил он.— Вот соберусь и прочту.

Пьесы он тогда не прочел. Подходили к Херсону.

— Завтра читка на коллективе, и я, понимаешь, волнуюсь немного... Нет, я очень волнуюсь, как будто впервые написал... Такое всегда со мной...

В ту ночь он не спал, стоял на палубе, вглядываясь в темные берега и в дальние мерцающие огоньки. Корнейчук рассказывал о своей юности, о встрече с Маяковским, когда поэт выступал в Киевском институте народного образования, о первой постановке своей пьесы в театре имени Ивана Франко в 1929 году. Это была драма «Каменный остров» — о строительстве Днепрогэса. Ставил ее Гнат Юра. В спектакле было много сцен, и режиссер использовал самодельный круг. Вращали его вручную рабочие. В день премьеры они почему-то не явились на работу. И тогда их место под сценой заняли автор, режиссер и администратор. После спектакля публика вызывала автора. Он появился на миг за спинами актеров в перепачканном костюме, с мозолями на руках, но счастливый.

«Каменный остров» была второй пьесой молодого драматурга. Первую — «На грани» — поставил театр рабочей молодежи, до этого же Александр Корнейчук писал рассказы. Критика не очень высоко оценила прозаические опыты начинающего писателя, но отметила живость диалогов...

— После этого я никогда больше не возвращался к прозе. Театр стал моей судьбой.— Эти слова он сказал тихо, будто себе.

...«Страницу дневника» Корнейчук читал франковцам в зрительном зале Херсонского театра. Сдерживал волнение, только сигарета чуть-чуть дрожала в его руке, но голос был спокоен и ровен. Актеры слушали внимательно, живо реагируя на каждый сюжетный поворот, комедийную сцену.

Чтение закончилось под аплодисменты. Было много выступлений. Актеры благодарили Корнейчука за умную, веселую и немного грустную пьесу. Он смущенно улыбался и молчал...

Тридцать пять лет отделяло «Страницу дневника» от первого спектакля Корнейчука в театре имени Ивана Франко. Целая жизнь, которую

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ННЫЙ ДАР

Николай ТИХОНОВ

ОН ШЕЛ

Александр Евдокимович Корнейчук был выдающимся сыном нашего великого столетия.

Он явился среди блестящего созвездия многочисленных талантов родной Украины, и годы революционного расцвета дали силу и блеск его разностороннему дарованию.

В его лице мы имели талантливейшего мастера советской драматургии, крупного государственного и общественного деятеля, славного борца за мир, большого гражданина нашей Советской Родины, доброго, отзывчивого человека, настоящего советского гуманиста, верного боевого товарища, старого, испытанного друга.

Если подробно изучить эту сложнейшую творческую жизнь, участие Корнейчука в важных общественных событиях, деятельность выдающегося драматурга, работу неутомимого пропагандиста во время Великой Отечественной войны, то перед нами предстанет необыкновенный характер, в котором черты передового художника, автора замечательных пьес, соединяются с душою воина, трибуна, борца за справедливость.

Мальчику, рожденному на маленькой станции Христиновка, что близ Умани, определен был широкий путь познания мира, и вдохновенный юноша бросился под знаменем Октября в ту благородную и трудную область писательской деятельности, которая называется драматургией. Он весь отдался созданию пьес, потому что сцена была ареной, на которой зрителю являлись герои революции, завоеватели грядущего и его враги, и здесь их характеры обнажались ярко и зримо.

Настоящий большой театр — театр Александра Корнейчука — остался в истории советской драматургии. Там есть такое многообразие жанров, такое обилие действующих лиц, что они могли бы составить целую процессию, красочную и удивительно отражающую современников мастера — и трагических, и героических, и смешных, и трогательных.

«Гибель эскадры» и «Платон Кречет», «В степях Украины», «Приезжайте в Звонковое», «Макар Дубрава», «Калиновая роща», «Крылья», историческая пьеса «Богдан Хмельницкий» и многие другие — вот славное наследие украинского мастера.

Но особенным размахом и выразительностью отличается пьеса Александра Корнейчука «Фронт», которая имела и судьбу особую. Рожденная в дни наших военных трудностей, кризиса в вопросах командования, эта пьеса, напечатанная на страницах «Правды», во весь голос говорила о необходимости пересмотра основ нашей военной науки, о привлечении и выдвижении новых талантливых военачальников. И Корнейчук нашел в себе силу сказать о том, что Иваны Горловы мешают нам воевать по-новому, они не обладают тем решающим умением, которое должно было помочь разбить гитлеровскую военную машину и привести к победе героическую Красную Армию.

Александр Корнейчук, сам участник Великой Отечественной войны, своими глазами видел правду войны, ее жестокую действительность и те силы, которые живут в народной массе,— силы непобедимые и огромные. Вместе со своей боевой подругой, бесстрашной и неутомимой писательницей Вандой Василевской он прошел долгий путь до логова фашизма — Берлина, участвовал в освобождении родной Украины, которую любил большой, искренней любовью.

Украинские пейзажи, украинцы — революционные рабочие, мирные хлеборобы и они же партизаны и бесстрашные герои войны, храбрые и умные, живут в его произведениях. И красавец Киев является в своей живописности в его пьесах.

Александр Корнейчук был страстным публицистом, и мы слышали его вдохновенное слово во времена, полные драматическими событиями, пережитыми советским народом, и это было слово писателя-коммуниста, слово действенное, находившее живой отклик в народном сердце.

Мы знали его долгие годы на широком фронте борьбы за мир. Еще в 1935 году он участвовал в том незабываемом конгрессе в защиту культуры в Париже, который приветствовали Максим Горький и Ромен Рол-

они прошли вместе. Такое очень редко выпадает на долю драматурга, если учесть, что после этой пьесы еще была «Расплата» и его лебединая песня — «Память сердца», был путь длиною почти в восемь лет.

Своей «судьбе» — советскому театру — Александр Корнейчук отдал сорок пять лет жизни, всего себя, весь свой талант истинно народного писателя, коммуниста, борца. Путь в большую жизнь ему, сыну железнодорожного слесаря Евдокима Корнейчука, открыла Октябрьская революция.

В 1923 году Александр Корнейчук был послан руководством Христиновского депо на рабфак при Киевском институте народного образования — так назывался тогда университет. Время было тяжелое, в университете еще пытались верховодить сынки нэпманов, купцов, левые и правые анархисты, украинские буржуазные националисты, вся эта поросль старого мира вела ожесточенную борьбу против коммунистов, комсомольцев, против всего советского. В этой классовой борьбе закалялась молодая комсомольская гвардия, формировалась новая интеллигенция Страны Советов.

В своей автобиографии Александр Евдокимович вспоминал:

«...Нужно сказать, что самые талантливые профессора хорошо приняли новых студентов-рабфаковцев. В холодных аудиториях, не жалея сил, они делали все, чтобы мы за два года получили среднее образование...

У многих рабфаковцев были пистолеты. Вскоре профессора начали жаловаться на некоторых особо ретивых парней, которые, приходя сдавать зачеты, выставляли из кармана дуло нагана. Тогда пришел приказ сдать оружие. Это взбудоражило весь рабфак. Большинство из нас считало, что через несколько месяцев произойдет мировая революция, с учебой будет покончено и без оружия нам никак не обойтись. Тогда нам авторитетно объяснили, что мировая революция раньше чем через полтора года не начнется, и оружие было сдано...»

Об этом периоде своей жизни Александр Евдокимович вспоминал всегда с большой нежностью. «Всех нас роднило что-то большое с Павкой Корчагиным»,— скажет он тридцать лет спустя, выступая перед молодыми писателями.

«Он был великий» — так назвал свой первый рассказ Александр Корнейчук. Рассказ был о Ленине. Его напечатала газета «Большевик» 21 января 1925 года. Это было начало корнейчуковской Ленинианы, которую он блестяще продолжил в «Гибели эскадры», в «Правде», во всем своем творчестве, ибо Ленин, шагнув в бессмертие, воплощался в делах партии, жизни народа, это всегда очень тонко чувствовал писатель.

Появление и успех «Гибели эскадры» были закономерны. Из 1 200 пьес, присланных на конкурс, было отмечено пять. В «Постановлении жюри конкурса среди писателей Союза ССР на лучшие пьесы (согласно постановлению СНК Союза ССР от 17 февраля 1933 г.)» сообщалось:

«Наилучшим пьесам из числа поступивших на конкурс присудить:

Вторые премии: 1. В. Киршон. «Чудесный сплав». 2. А. Корнейчук. «Гибель эскадры».

Первых премий, как иногда и теперь на конкурсах, жюри не дало, но оценило драму Корнейчука очень высоко: «...Пьеса эта является одной из лучших историко-революционных пьес. Ее крупным и несомненным достоинством, помимо художественных качеств, является то, что она наносит крепкий удар украинскому национализму и воспитывает зрителей в духе пролетарского интернационализма».

Корнейчуку было 26 лет. Он окончил институт, писал пьесы, киносценарии, увлеченно работал на студии, но...

«Я был,— вспоминал он,— в ожидании чего-то большого, мне не давала покоя мысль о мужестве революционных моряков, подвиге народа в борьбе с петлюровщиной... Я задумал написать драму. Рылся в архивах, изучал материалы, встречался со старыми большевиками и постепенно ощутил, что готов к работе. Может быть, впервые я поверил, что есть вдохновение...»

К этому времени в русской советской драматургии уже появились пьесы, которым суждено было стать классическими,— «Любовь Яровая»

ВПЕРЕДИ

лан. Уже тогда у Корнейчука завязалась дружеская связь с представителями мировой литературы, которые и в движении борцов за мир приняли активное участие.

Начиная с конгресса во Вроцлаве в 1948 году, где было провозглашено историческое международное движение сторонников мира, Корнейчук — член президиума Всемирного Совета Мира, десятилетиями стоял он рядом с выдающимися борцами за мир, такими, как Фредерик Жолио-Кюри и Джон Бернал.

Неутомимая блестящая работа Александра Корнейчука была достойным образом оценена. Он был лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», имел «Золотую медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

На всех мировых конгрессах и конференциях звучал его убедительный голос. Во время Венского конгресса его речь четырнадцать раз прерывали овации. Его видели в самых разных городах Европы, Азии, Африки, Америки. Эти поездки в близкие и далекие края дали ему много искренних друзей среди выдающихся представителей общественности, искусства, литературы, среди простых людей.

Он был человеком, любившим природу, украинскую мягкую осень. Путешествия пешком по Украине, по берегам ее веселых рек, по ее лесам и озерам были его любимыми прогулками в дни отдыха. Он любил жизнь во всем ее разнообразии, пел песни, знал множество стихотворений, поговорок, присказок. На войне он был хорошим товарищем, храбрым солдатом. Он

А. Е. Корнейчук. 1942 год. Неизвестная фотография. Публикация В. Макарова.

очень любил то, что называл дружеством, и большие друзья были у него во всех краях нашей беспредельной Родины.

Таким оставался он всю жизнь — человеком и мастером, борцом за мир и справедливость.

Замечательна его речь на XXII съезде КПСС, где он сказал:

«Все честные люди, где бы они ни жили, независимо от цвета кожи, религии, политических взглядов и убеждений, ознакомившись с Программой нашей партии, не могут не сделать вывода, что коммунизм и мир — это неотделимые понятия.

Всем народам на всех континентах Программа нашей партии несет мир, подлинную дружбу и добрую волю всех советских людей».

И он до конца дней своих оставался верен этой высокой правде и всем талантом писателя и борца за мир служил человечеству и прогрессу.

В эти дни, когда весь советский народ торжественно отмечает тридцатилетие нашей Великой Победы над фашизмом, когда участники Великой Отечественной войны, освободители народов Европы вспоминают своих боевых товарищей и друзей, они не могут не вспомнить имя Александра Евдокимовича Корнейчука, который был в этой исторической битве трибуном, агитатором, автором незабываемой пьесы «Фронт», сыгравшей тогда свою выдающуюся роль в помощи фронту, сражавшемуся от моря до моря за свою Советскую Отчизну под знаменем Ленина, знаменем Октября.

К. Тренева, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Разлом» Б. Лавренева, «Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского... «Гибель эскадры» А. Корнейчука навсегда стала в один ряд с этими выдающимися произведениями советской драматургии.

«Гибель эскадры» вошла в репертуар многих театров нашей страны. В Москве ее первым поставил в Центральном театре Красной Армии Юрий Александрович Завадский. Эта пьеса дала новое направление украинскому советскому театру, имела большое влияние на литературный процесс в республике. В ней молодой драматург глубоко раскрыл роль Коммунистической партии в борьбе за власть Советов, выразил единство цели, братство русского и украинского народов. «Гибель эскадры» революционизировала украинский театр, вызвав к жизни новые силы режиссеров, актеров. И каждая новая пьеса Александра Корнейчука была новой ступенькой, по которой подымался наш театр, овладевая методом социалистического реализма. Этому пример — появление на сцене франковцев «Платона Кречета», «Правды», в этих спектаклях новыми гранями засверкал талант Гната Юры, А. Бучмы, Н. Ужвий, Ю. Шумского...

Работу над «Платоном Кречетом» во МХАТе Александр Корнейчук считал самыми счастливыми днями в своей творческой жизни. Пьесу автор прочитал В. И. Немировичу-Данченко (на украинском языке) на квартире великого режиссера, который взволнованно воспринял ее. А позже К. С. Станиславский назвал ее пьесой «крупного масштаба и значительных идей, объединяющих наше общество в одно целое».

Из МХАТа «Платон Кречет» перешел рубежи нашей Родины, раскрывая перед миром высокое гуманистическое искусство Советской страны. Пьеса была переведена на многие языки. «Александр Корнейчук,— писал болгарский литератор Орлин Василев,— стал нашим народным писателем. Как-то сразу он вошел в нашу литературу крепко и на долгое время...»

Александру Корнейчуку выпала на долю и еще одна великая «судьба» — быть настоящим коммунистом. Об этом он помнил всегда: когда садился за письменный стол, когда перед боем обращался к солдатам, когда партия посылала его на пост заместителя министра иностранных дел СССР, когда выполнял свои депутатские обязанности или выступал на международных форумах борцов за мир.

Указ о присвоении Александру Корнейчуку высокого звания Героя Социалистического Труда застал писателя в Праге, куда он прибыл на заседание президиума Всемирного Совета Мира. На вопрос корреспондента «Правды»: «Чем вы порадуете советского зрителя к празднику Октября?»— Александр Евдокимович ответил:

«Наша Родина сильна своей самой передовой ленинской идеологией, сильна дружбой и братством народов, монолитной их сплоченностью вокруг Коммунистической партии, сильна красотой ума, сердца и характера советского человека. Вот об этом хочется написать».

...Писать о красоте советского человека. Это он всегда делал с любовью. Герои его послевоенных пьес были удивительно целеустремленны в своем гражданском долге и красивы внутренней, какой-то тихой, светлой красотой.

25 мая этого года ему было бы 70 лет... Он знал о своей болезни, но она, победив его, не победила его духа. Накануне смерти Александр Евдокимович просил девушек-санитарок петь ему песни. Они пели, сдерживая рыдания...

* * *

Он любил этот дом с широкими окнами, глядящими на все четыре стороны света, и тихий сад, посаженный его руками, и цветы, которые росли везде, где им только заблагорассудится...

Все в этом доме, как и было, но теперь он — музей Александра Евдокимовича Корнейчука. Как и раньше, идут сюда люди, но теперь их в тысячу раз больше.

Приходите... Он вас ждет.

Киев, май 1975 года.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ: УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ

интервью «огонька»

Министр внешней торговли СССР Н. С. ПАТОЛИЧЕВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ю. Кривоносова

ВОПРОС. Внешней торговле, являющейся составной частью советской экономики, присуща общая тенденция к поступательному движению и развитию. Расскажите, пожалуйста, Николай Семенович, какова роль советской внешней торговли на нынешнем этапе.

ОТВЕТ. Современная экономика СССР — это экономика развитого социалистического общества, обладающая мощным потенциалом, высоким уровнем производства. Неотъемлемой составной частью ее является внешняя торговля, органически связанная со всеми отраслями народного хозяйства и вместе с ними представляющая взаимосвязанный комплекс, развивающийся по единому государственному плану.

Высокий уровень нашей экономики в состоянии удовлетворить все основные потребности народного хозяйства страны в машинах и оборудовании за счет внутренних ресурсов. Однако, используя сложившееся международное разделение труда, наше народное хозяйство через внешнюю торговлю имеет возможность получать некоторые виды продукции с меньшими издержками в сравнении с собственным ее производством. Кроме того, некоторых видов промышленного сырья и продукции сельского хозяйства в нашей стране нет, либо они имеются в недостаточном количестве, либо из-за климатических условий у нас не произрастают, и мы вынуждены закупать их на внешних рынках.

Внешняя торговля способствует также ускорению технического прогресса важнейших отраслей народного хозяйства, более быстрому развитию отдельных видов производства. С ее помощью создаются новые предприятия и целые отрасли промышленности, реконструируются и расширяются существующие заводы и фабрики. Внешняя торговля участвует и в решении главной экономической задачи девятой пятилетки, поставленной XXIV съездом КПСС,— в значительном подъеме материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда.

Целесообразность более полного использования выгод международного разделения труда предопределяет необходимость расширения экономических связей Советского Союза, которые являются своеобразным инструментом сотрудничества нашей страны с другими государствами в решении таких проблем, как сохранение природной среды, освоение энергетических и других природных ресурсов, развитие транспорта и связи, предупреждение и ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний, исследование и освоение космоса и Мирового океана.

Развитие внешнеэкономических связей СССР в полной мере соответствует интересам дела мира, безопасности народов. Это курс, органически вытекающий из принципиальных основ ленинской внешней политики.

ВОПРОС. Вы сказали, что внешняя торговля способствует ускорению технического прогресса, проиллюстрируйте, пожалуйста, это примерами.

ОТВЕТ. Четвертая часть научных работников всего мира трудится у нас в стране. Они, безусловно, плодотворно работают над совершенствованием нашего производства, над созданием новых видов машин, оборудования, материалов, над развитием науки. Словом, вносят большой вклад в строительство коммунистического общества. Но ведь три четверти ученых работают в других странах, и потому обмен техническими идеями и изобретениями необходим. Как и другие государства, мы закупаем и продаем на внешних рынках технически передовые машины и оборудование. Эти закупки, а также приобретение лицензий на новые процессы производства и новой техники способствуют внедрению современных технологических процессов и машин. Это, как я уже говорил, стимулирует рост производительности труда, снижает издержки производства, позволяет в короткие сроки организовать выпуск новой продукции на высоком техническом уровне.

Чтобы добиться успеха на внешних рынках, где идет упорная конкурентная борьба, наша промышленность постоянно совершенствует экспортную продукцию, что также способствует повышению уровня производства.

За четыре года нынешней пятилетки закуплено за границей машин, оборудования и транспортных средств на сумму около 20 миллиардов рублей. Крупные закупки осуществлялись для предприятий химической промышленности, что способствовало наращиванию мощностей по производству минеральных удобрений, синтетических материалов, пластмасс, химических волокон. Только в минувшем году закуплено восемь заводов по производству аммиака мощностью 1 360 тонн в сутки каждый. Четыре из них поставит французская фирма «Крезо-Лаур Антреприз» и четыре — американская фирма «Кемико». С французской фирмой «Литвин» был подписан крупный контракт на поставку лицензии, технической документации и комплектного оборудования для создания в СССР завода по производству стирола мощностью 300 тысяч тонн в год и полистирола — 200 тысяч тонн в год. Если мы продолжим этот список, то он может стать очень длинным: мы успешно развиваем сотрудничество и поддерживаем связи с рядом фирм Италии, Франции, ФРГ, США, Японии и некоторых других стран, например, с такими, как «Фиат», «Монтэдисон», «Эни», «Сниа-Вискоза», «Оронзиа де Нора» (Италия), «Энса», «Спейшим» (Франция), «Хёхст», «Зальцгиттер», «БАСФ», «ЛИНДЕ» (ФРГ), «Оксидентл петролеум корпорейшн», «Кемико», «Монсанто», «Лумус», «Пи-Пи-Джи» (США), «Тайо Инженеринг корпорейшн», «Асаки Кемикл» (Япония), и другими фирмами.

Много различного оборудования закупается для оснащения новых предприятий легкой и пищевой промышленности. В прошлой пятилетке эти закупки превысили сумму в 1,3 миллиарда рублей. На базе импортного оборудования обеспечивается значительный прирост мощностей по производству трикотажа, обуви, мясной и молочной продукции, пищевых концентратов, хлебобулочных изделий, плодоовощных консервов и других товаров народного потребления. В качестве примера можно назвать уже построенные в стране три крупных предприятия по производству верхнего трикотажа общей мощностью 42 миллиона изделий в год, обувные предприятия с годовым выпуском 60 миллионов пар обуви, оснащенные импортным оборудованием.

Важная работа проведена по расширению и реконструкции автомобильной промышленности.

Как и в прежние годы, большое внимание уделяется укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Здесь поставки импортной техники только за счет закупок в социалистических странах увеличатся за нынешнее пятилетие в 2,2 раза. Сельское хозяйство получит за счет импорта много новых видов сельскохозяйственных машин и оборудования, таких, как самоходные сенокосилки, жатки и измельчители к зерноуборочным комбайнам, сеялки новых типов, рассадопосадочные машины, оборудование для механизации работ в птицеводстве и животноводстве и многое другое.

Особое внимание уделяется закупке за рубежом товаров народного потребления в разнообразном ассортименте и высокого качества, что положительно сказывается на розничной торговле и способствует обеспечению растущего спроса населения на продовольственные и промышленные товары. В соответствии с заключенными долгосрочными соглашениями только из стран — членов СЭВ за пятилетие будет ввезено потребительских товаров более чем на 8,5 миллиарда рублей.

ВОПРОС. Подведены итоги четвертого, определяющего года пятилетки. Уже сейчас, видимо, можно предварительно сказать, как решаются внешней торговлей задачи, поставленные перед нею на это пятилетие?

ОТВЕТ. Итоги прошедших четырех лет свидетельствуют об успешном развитии внешней торговли, которая уже в 1973 году фактически достигла уровня, запланированного Директивами XXIV съезда КПСС на конец пятилетия. Это стало возможным благодаря тому, что Центральный Комитет Коммунистической партии и Совет Министров СССР уделяют вопросам внешней торговли повседневное внимание.

Как я уже сказал, мы осуществляем в большом объеме закупки за рубежом машин и оборудования для многих отраслей промышленности, внося этим свой вклад в успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства.

На XXIV съезде КПСС, на апрельском и декабрьском (1973 год) Пленумах и на декабрьском Пленуме (1974 год) ЦК КПСС отмечалась необходимость дальнейшего значительного расширения экспорта, повышения его эффективности главным образом за счет опережающего роста вывоза машин, оборудования и других товаров с высокой степенью обработки. Несмотря на имеющиеся трудности, задача эта решается успешно. В 1974 году экспорт составил 20,8 миллиарда рублей и возрос по сравнению с 1973 годом на 31 процент.

Мы значительно увеличили экспорт машин и оборудования за счет продукции автомобильной, тракторной, станкостроительной, авиационной, энергетической и электротехнической промышленности, дорожно-строительных машин, а также средств электронно-вычислительной техники. Растет экспорт телевизоров, радиоприемников, часов, фото- и киноаппаратуры. Быстрые темпы научно-технического прогресса во всех отраслях советского машиностроения позволяют экспортным машинотехническим объединениям предлагать и поставлять на внешний рынок значительное количество новых, оригинальных и совершенных в техническом отношении машин, аппаратов и приборов. Так, например, в ряд стран экспортируются эффективные системы противоградовой защиты, станции зондирования атмосферы, лазерные приборы, электронные микроскопы, новые модели осциллографов, видеомагнитофоны, аппаратура радиоволнового просвечивания и другие изделия, которые успешно конкурируют на международных рынках.

В 1974 году на машины и оборудование приходилось около 20 процентов экспорта, а вообще промышленные товары в настоящее время составляют значительную часть советского экспорта.

ВОПРОС. А каков был общий объем внешнеторгового оборота СССР в прошлом году?

ОТВЕТ. Объем внешней торговли Советского Союза в прошлом году составлял 39,6 миллиарда рублей. Это на 26,2 процента больше, чем в 1973 году.

ВОПРОС. Более половины оборота нашей внешней торговли приходится на социалистические страны. Расскажите о том, как развиваются эти торговые отношения.

ОТВЕТ. В 1974 году Советский Союз вел торговлю со 112 государствами, но центральное место в наших внешнеэкономических связях занимают социалистические страны.

Главным, я бы сказал, генеральным направлением Советского государства в развитии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества является совершенствование и расширение сотрудничества с социалистическими странами с целью дальнейшего укрепления содружества и развития экономики стран — членов СЭВ в соответствии с Комплексной программой социалистической экономической интеграции.

Внешняя торговля СССР с социалистическими государствами и в особенности со странами — членами СЭВ характеризуется высокими темпами развития и большими объемами.

В прошлом, 1974 году взаимный объем торговли с социалистическими государствами составил 21,4 миллиарда рублей, в том числе со странами — членами СЭВ — 19,4 миллиарда рублей. На 8 стран — членов СЭВ приходится около 50 процентов нашего внешнеторгового оборота.

Объем товарооборота СССР с европейскими странами — членами СЭВ в прошлом году выразился в следующих цифрах (в миллионах рублей):

Народная Республика Болгария — 2 904,
Венгерская Народная Республика — 2 282,
Германская Демократическая Республика — 4 315,
Польская Народная Республика — 3 584,
Социалистическая Республика Румыния — 1 191,
Чехословацкая Социалистическая Республика — 3 030.

Как видите, объемы весьма внушительные, и они неуклонно увеличиваются.

Успешно выполняется принятая XXV сессией СЭВ «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ». Ныне экономики стран — членов СЭВ удачно дополняют друг друга, что позволяет всем им развиваться более быстрыми темпами.

На состоявшейся в Софии XXVIII сессии СЭВ было отмечено, что страны — члены СЭВ делают все необходимое для дальнейшего сплочения социалистических государств, укрепления и расширения всесторонних братских связей. В коммюнике о сессии СЭВ указывалось, что экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ должно развиваться в направлении максимального использования возможностей социалистической экономической интеграции, а это обеспечит им дальнейшее укрепление экономического и научно-технического потенциала и обороноспособности.

В торговых и экономических отношениях социалистических государств есть много нового и интересного. В прошлом году, например, взаимные поставки машин и оборудования опережали развитие экспорта и импорта сырьевых и других товаров. Быстро развиваются между странами — членами СЭВ специализация и кооперирование производства. Фактор интеграции играет из года в год все большую роль в решении народнохозяйственных задач каждой из братских стран, в том числе Советского Союза. Интеграция — один из основных факторов превращения стран СЭВ в самый динамичный индустриальный район мира, опережающий по темпам роста любую другую группу государств.

Поставки из СССР в братские социалистические страны оборудования комплектных предприятий позволили им успешно развивать черную и цветную металлургию, нефтеперерабатывающую и химическую промышленность, развить такие важные отрасли промышленности, как энергетика, электроника и другие.

В соответствии с Комплексной программой развития социалистической экономической интеграции возрастающие потребности стран — членов СЭВ в некоторых сырьевых товарах будут удовлетворяться на основе взаимного объединения усилий заинтересованных государств с целью развития соответствующих сырьевых отраслей промышленности в нашей стране. Уже подписано генеральное соглашение о строительстве совместными усилиями НРБ, ВНР, ПНР, СССР и СРР в Усть-Илиме комбината по производству 500 тысяч тонн целлюлозы в год. Представители этих же стран и ЧССР по поручению своих правительств подписали генеральное соглашение о сотрудничестве по строительству и эксплуатации Киембаевского асбестового горно-обогатительного комбината мощностью 500 тысяч тонн асбеста в год.

Достигнута договоренность о строительстве линии электропередачи 750 киловольт между Винницей (Украина) и Альбертирша (Венгрия). Это позволит связать энергосистему европейских стран — членов СЭВ. Они подписали также генеральное соглашение о сотрудничестве в освоении Оренбургского газового месторождения и строительстве магистрального газопровода Оренбург — Западная граница СССР. Такой список можно было бы продолжить, но думаю, что и этих примеров достаточно.

За счет закупаемых в братских странах машин и оборудования мы также в значительной мере обеспечиваем потребности Советского Союза в оборудовании для химической, металлургической, пищевой и мясо-молочной промышленности, в оборудовании связи, сельскохозяйственной техники, в судах для морского, речного и рыбопромыслового флота, в железнодорожных вагонах и пр.

В 1974 году наша промышленность получила из социалистических стран около девяти тысяч металлорежущих станков, железнодорожный транспорт — 6 685 товарных крытых вагонов, а водный — свыше ста судов. Много техники было закуплено для сельского хозяйства — комбайны различного назначения, сеялки, доильные установки и другое. Увеличение импорта сельскохозяйственной техники содействует механизации сельскохозяйственного производства.

О поставках товаров народного потребления я уже говорил.

ВОПРОС. А как складываются наши торговые дела с капиталистическими странами и в том числе с развитыми капиталистическими государствами?

ОТВЕТ. Что касается промышленно развитых капиталистических государств, то, как я уже отмечал, мы вправе сейчас говорить о новом этапе наших торгово-экономических отношений с ними.

Принципиальная линия СССР здесь заключается в сочетании конструктивной линии на урегулирование назревших международных проблем, на поддержание хороших отношений с твердым отпором любителям притязаний на диктат. В результате этого курса Советского Союза, а также более реалистичной политики многих западных государств отношения Советского Союза и большинства других братских социалистических стран с основными капиталистическими державами уже входят в более или менее нормальное русло, отвечающее понятиям мирного взаимовыгодного сотрудничества. За один только прошлый год торговый оборот с промышленно развитыми странами увеличился более чем на 4 миллиарда рублей и превысил 12,4 миллиарда рублей.

По-прежнему хорошо идут дела у нас с Финляндией, Францией, Федеративной Республикой Германии, Японией, Италией, Англией и другими странами. Перечисление объемов товарного обмена со всеми этими странами займет много места и времени, но не могу не отметить большое увеличение объема торговли: с ФРГ — с 1 210 миллионов рублей в 1973 году до 2 209 миллионов в прошлом году; с Японией — с 994 миллионов до 1 683 миллионов рублей; и с Финляндией — с 777 миллионов до 1 540 миллионов рублей. Эти цифры говорят о том, что при желании сторон торговля может быстро расти на взаимовыгодной основе.

Крупный шаг сделан за последние годы в развитии торгово-экономического сотрудничества Советского Союза с развивающимися странами. Товарооборот СССР с этой группой государств за прошлый год увеличился на 1,1 миллиарда рублей и достиг почти 5,8 миллиарда рублей. С помощью СССР в этих странах построены и строятся важные предприятия, закладывающие основы независимой национальной экономики молодых государств. Важное значение для развивающихся стран имеет то, что Советский Союз поддерживает не только их справедливую борьбу за политическую независимость, но и помогает добиться экономической независимости.

Выступая в Ташкенте на торжественном заседании, посвященном вручению Узбекской ССР ордена Дружбы народов, Леонид Ильич Брежнев хорошо сказал о взаимосвязанности нашей внешней политики и внешнеэкономической политики:

«То, что сделано за последнее время, уже привело к заметным положительным сдвигам в мировой обстановке. В частности, опыт развития наших отношений с некоторыми капиталистическими странами подтверждает, что ленинские принципы мирного сосуществования — это надежный путь к расширению экономических связей. В свою очередь, крупномасштабные и долговременные экономические соглашения цементируют мирные отношения между странами».

ВОПРОС. В печати в последнее время много пишут о компенсационных сделках, что это такое? Не является ли это разновидностью концессий?

ОТВЕТ. Нет, конечно. Концессией мы называем такую форму экономических соглашений, когда иностранному государству или фирме сдаются в эксплуатацию на определенных условиях и на определенный срок природные богатства, земля, промышленные предприятия, транспортные и другие объекты. Для нас концессия неприемлема. Компенсационная же сделка имеет иную основу.

В процессе развития наших торговых отношений появились новые формы экономических связей — формы компенсационных сделок. В чем здесь суть? Страна, заинтересованная в получении определенных видов сырья и промышленной продукции, предоставляет Совет-

скому Союзу кредиты, в счет которых советские организации приобретают необходимое оборудование, машины, материалы. Оплата же полученного кредита производится продукцией вновь созданных промышленных предприятий, под которые эти кредиты были предоставлены.

Операции на компенсационной основе — это не просто купля и продажа, а принципиально новый вид экономической связи, очень для нас выгодный. Обеспечивая кредиты и самые современные условия, они позволяют нам ускоренным темпом решать ряд производственных, научно-технических задач. Компенсационные сделки облегчают также сбыт нашей продукции на внешнем рынке, увеличивая тем самым наши валютные поступления. Нельзя сбрасывать со счета и политическую сторону крупномасштабных операций.

Советский Союз имеет большие запасы сырья, разведанные в последние годы в районах Сибири и Дальнего Востока. Однако добыча и транспортировка его в зоны, где расположены предприятия перерабатывающей промышленности, сопряжены с большими капитальными вложениями и крупными затратами средств.

С помощью соглашений на компенсационной основе мы можем осваивать источники сырья и создавать новые промышленные мощности. Вместе с тем это дает нам возможность экспортировать часть продукции, производимой на основе вновь осваиваемых природных ресурсов, и тем самым не только расплачиваться за новейшее оборудование и передовой технический опыт, но и обеспечить приток в страну крупных сумм в иностранной валюте, нужной для закупки товаров, что будет способствовать дальнейшему подъему экономики и жизненного уровня советского народа.

При сотрудничестве с зарубежными фирмами советские организации руководствуются ленинскими положениями о необходимости использования внешнеэкономических связей в интересах социалистического строительства.

ВОПРОС. В результате мирной инициативы Советского Союза и успешных визитов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в США, ФРГ, Францию открылись новые возможности и в развитии экономических контактов с рядом государств, в частности с США. Расскажите, пожалуйста, кратко о развитии торговых отношений с этой страной.

ОТВЕТ. Проводя курс на развитие внешнеэкономических связей, Советский Союз исходит прежде всего из того, что рациональное участие в международном разделении труда является объективной потребностью для всех стран, необходимым условием научно-технического прогресса и развития производительных сил.

Советский Союз осуществляет свои экономические отношения на основе полного равноправия, невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета сторон и взаимной выгоды.

В 1972—1974 годах в результате советско-американских встреч на высшем уровне начала складываться благоприятная обстановка для развития взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Были подписаны соглашения о торговле, об урегулировании ленд-лиза, о порядке финансирования торговли, по некоторым вопросам судоходства, конвенция по вопросам налогообложения и долгосрочное соглашение о содействии экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству.

В тот же период были предприняты шаги по созданию механизма, содействующего осуществлению и развитию торговли: учреждена межправительственная советско-американская комиссия по вопросам торговли, в Вашингтоне открыто торговое представительство СССР, а в Москве — коммерческое бюро США. По инициативе организаций и фирм обеих стран был создан Американо-советский торгово-экономический совет.

В прошлом году объем торговли между СССР и США достиг 742 миллионов рублей против 184 миллионов рублей в 1971 году. Но все же США занимают весьма скромную долю в нашей торговле, хотя она могла бы быть значительно больше.

Наличие высокоразвитой промышленности и богатых природных ресурсов в СССР и США может явиться основой для значительного увеличения взаимной торговли. Хорошие перспективы должно было открыть сотрудничество в области осуществления крупномасштабных проектов, в том числе на компенсационной основе. Осуществление таких проектов позволило бы американским фирмам поставлять в СССР крупные партии оборудования для строительства предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности с оплатой поставками продукции этих предприятий. В условиях сокращения производства в США и нехватки некоторых видов сырья развитие этой формы сотрудничества могло бы дать реальные и ощутимые выгоды обеим сторонам. В качестве положительного примера может служить соглашение между советскими организациями и американской фирмой «Оксидентл петролеум» о содействии в строительстве в СССР крупного химического комплекса по производству удобрений и о взаимных поставках в течение 20 лет ряда химических товаров.

Однако в США есть силы, которым не по душе нормализация отношений, и они пытаются в обмен на расширение торговли выторговать у нас уступки политического характера, вмешиваться в наши внутренние дела. Под влиянием этих кругов конгресс США принял закон о торговле, сохраняющий дискриминацию в торговых отношениях с Советским Союзом. Я не буду здесь излагать позицию Советского правительства, она была разъяснена нашей печатью. Но и в самих США все чаще раздаются голоса против выдвижения американской стороной неприемлемых условий для нормальной торговли. Так, газета «Нью-Йорк таймс» 2 февраля нынешнего года писала: «Соединенные Штаты больше не могут просто поворачиваться спиной к Советскому Союзу с его гигантским экономическим потенциалом и игнорировать перспективу укрепления устойчивости на международной арене, органически вытекающую из разрядки между Востоком и Западом».

Что касается Советского Союза, то он всегда рассматривал развитие торгово-экономических связей с США на равноправной, недискриминационной основе как важный элемент в деле улучшения советско-американских отношений в целом, и мы ожидаем, что американская сторона примет необходимые меры для исправления существующего положения.

В выступлении по американскому телевидению 24 июня 1973 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Конечно, Советский Союз и Соединенные Штаты — это такие страны, которые, как говорится, могут прожить и сами по себе... Но при этом и нам, и многим американцам хорошо понятно, что отказ от сотрудничества в области экономики, науки, техники, культуры означает отказ от значительных выгод и преимуществ, которые каждая из сторон могла бы получить дополнительно. И главное — это означало бы отказ совершенно бесцельный, который нельзя оправдать никакими разумными доводами».

Позвольте завершить ответ на ваш вопрос еще одной цитатой из названной мною статьи в газете «Нью-Йорк таймс»:

«В наши дни торговля представляет собой наиболее мощный двигатель разрядки в отношениях между Западом и Востоком, двигатель, который может избавить обе стороны от угрозы взаимного истребления и поставить на путь конструктивного экономического сотрудничества».

Как видите, не все в США выступают против развития торговли с СССР.

В кратком интервью невозможно охватить или даже коротко перечислить все аспекты работы наших внешнеторговых организаций. Теми немногими примерами, которые я привел, мне хотелось проиллюстрировать основной итог успешного развития внешнеэкономических связей СССР. Это развитие наглядно подтверждает жизненную силу ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, открывает перспективы для дальнейшей нормализации и оздоровления международной обстановки. А это значит, что наша внешняя торговля активно участвует в борьбе за прочный мир, содействует повышению эффективности нашей экономики, служит интересам советского народа.

СЛОВО ПАРТИИ

Дмитрий НАЛБАНДЯН, народный художник СССР

«Малая земля». Всего два слова, но они вмещают бессмертие. Подвиг солдат, десантников, моряков. Тридцать километров земли — вздыбленной, изувеченной, оглохшей от воя фашистских снарядов. Каждая пядь, пропитанная кровью воинов, стоявших насмерть. Священная земля...

Нельзя оставаться спокойным, вспоминая мужество и героизм советских бойцов, принявших на себя и отразивших огневой удар фашистских захватчиков, рвавшихся на юг, к нашей нефти. К моей родной Армении.

В сентябрьские дни прошлого года, когда вместе с Новороссийском наша страна торжественно отмечала вручение городу-герою ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», вновь ожили воспоминания о тех днях. Они вошли в сердце, чтобы потом стать картиной, живописным полотном, прославляющим отвагу, стойкость, силу духа советских солдат, которых вела к Победе Коммунистическая партия.

Великая Отечественная война — неисчерпаемая тема для творчества, каждый художник находит в ней то, что близко его душе. Бои на «Малой земле», за Новороссийск, а по существу, за Кавказ, особенно волновали меня. Я хорошо знал те места, бывал на южных фронтах военным корреспондентом, сделал много зарисовок в сорок втором в Крыму. Под впечатлением увиденного родилась картина «Последний приказ полковника Закияна».

В годы войны, в Ереване мне довелось организовывать «Окна ТАСС», рисовать плакаты, воспевающие подвиги наших бойцов, делать рисунки жанровые, сатирические. Тогда же я написал полотно «Комитет Обороны», а спустя несколько лет — портреты военачальников Г. К. Жукова и С. М. Штеменко.

Когда появились новые документы, материалы, связанные с битвой за Кавказ, с легендарной «Малой землей», у меня буквально дрогнуло сердце, хотелось создать на эту тему правдивое произведение, верное по ситуации, по настроению, по колориту.

Известна роль политработников на полях сражений. Слово партии вдохновляло, придавало силы, рождало уверенность в Победе. И, пожалуй, особенно нужно было оно малоземельцам, тем, кто 225 дней и ночей стоял здесь насмерть, не дрогнул, не отступил, вынес то, что теперь кажется невероятным.

Леонид Ильич Брежнев, начальник Политотдела 18-й армии, той самой, что совершила беспримерно смелый, рискованный десант на «Малую землю» и участвовала в боях за нее, постоянно был в самых горячих местах. Ободрял солдат, отбивал вместе с ними атаки противника, вручал им награды и партийные билеты. Хотелось показать Леонида Ильича среди бойцов, там, где шли жестокие сражения.

Я ездил в Новороссийск, встречался с защитниками города, «Малой земли». Материалы боевой славы в городском музее, танки и орудия, оставленные как память о былых сражениях, монолит весом в 1 250 килограммов, сплавленный из осколков, пуль, снарядов и мин, приходившихся на одного человека,— все это производит очень сильное, неизгладимое впечатление. Я показывал эскиз картины, советовался с очевидцами сражений. В результате появилось полотно «На Малой земле».

...Серый, пасмурный день, один из тех, что навсегда останется в летописи Великой Отечественной войны. Очищены от фашистов еще несколько метров берега. Еще не остыли от снарядов камни, дымится земля. Но с моря на передовую пробился катер. И вот уже Леонид Ильич среди бойцов, солдат разных национальностей. Теплая встреча, слова приветствия. Как много значили они, ободряющие, поддерживающие слова коммуниста, политработника. Один из таких моментов, обстановку, в которой шли бои, я и старался передать в картине.

Сейчас она находится на Всесоюзной художественной выставке «30 лет Великой Победы» в Центральном выставочном зале Москвы.

В. Пантелеев. Род. 1925. ДОРОГИ ВОЙНЫ. 1974.

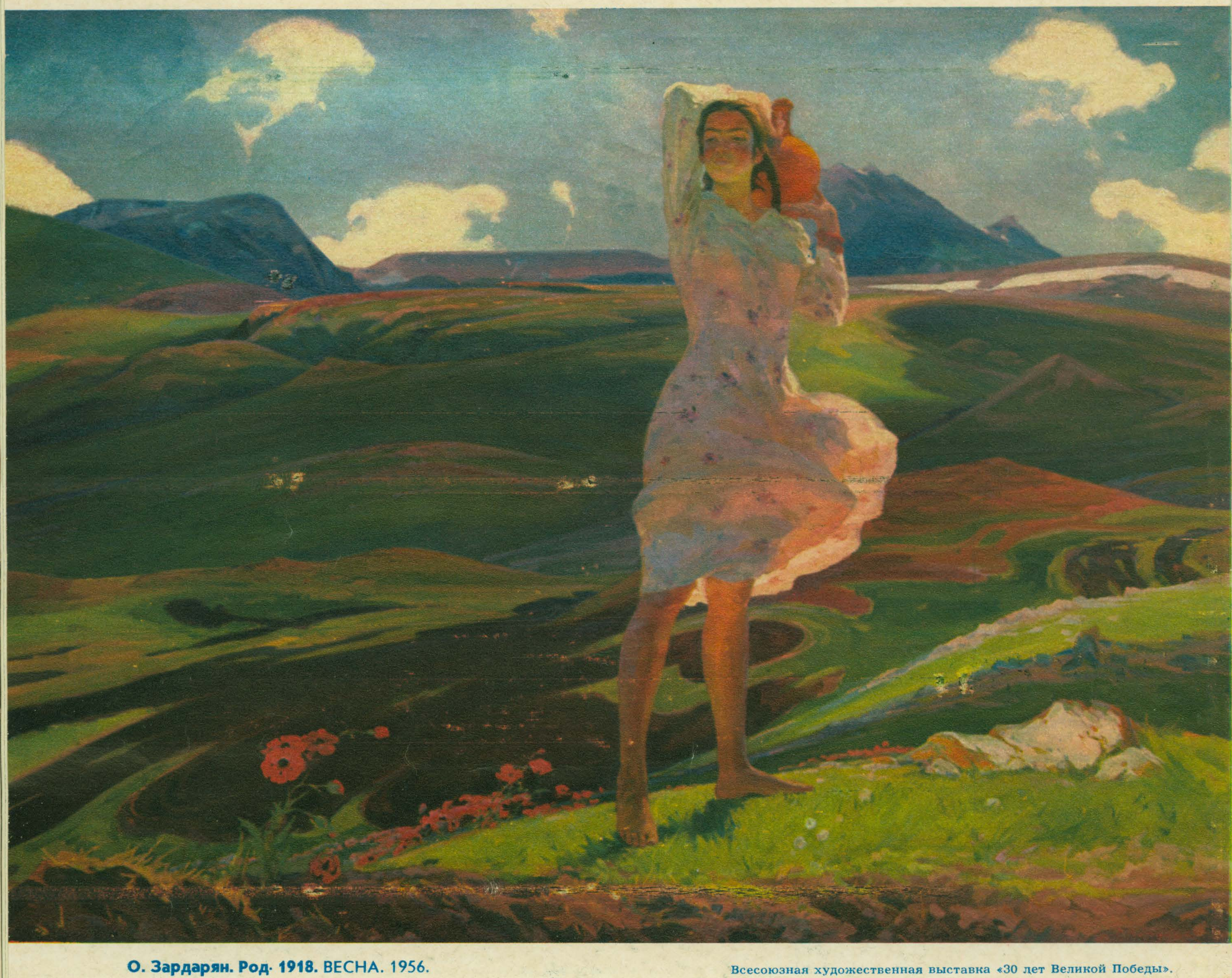
Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы».

Д. Налбандян. Род. 1906.

НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ. 1975.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы».

О. Зардарян. Род· 1918. ВЕСНА. 1956.

Всесоюзная художественная выставка «30 лет Великой Победы».

Гилемдар РАМАЗАНОВ

Я ПОМНЮ

В 45-М НАД ОДЕРОМ

И вот в сорок пятом
над Одером,
две ночи уже не в бою,
о нашем грядущем, о пройденном —
солдат,— размышляя, стою.

Протопано было до Одера
сто тысяч нехоженых троп.
Да только жила во мне Родина —
и я не сгорел, не утоп.

Три года уже не за партами,
мы — в порохе, в гари, в золе...
Мы раньше лишь школьными картами
шагали по этой земле.

Девчонкам, что иксы нам правили,
всем в вузах учиться дано.
Да только и я в этом пламени
уже академик давно.

Не ради медали иль ордена,
а ради всех завтрашних дней
пронес от Урала до Одера
любовь я к Отчизне своей.

Тут повод для радости истинной:
я жив, я пою и дышу.
И, может быть, я здесь единственный
стихи по-башкирски пишу.

Эй, Одер, позиция вредная,
сюда мы пробились не зря.
Враг сломлен.
Сегодня победная
меня окрыляет заря!

ЯНИНА

Помню, как засиял твой букет
в люках нашего дымного танка...
Помню синих очей твоих свет
и улыбку, красавица Янка.

И запели в душе соловьи,
и пригрезилось что-то такое...
Помню грустные песни твои
после боя, в минуту покоя.

Говорил я тебе про Урал,
где близка мне любая вершина.
И встречались мы вновь, и считал
я сестрой тебя, Янка, Янина!

Но когда мы бродили вдвоем
иль сидели в цветущем саду мы,
извини, на Урале родном,
у другой были все мои думы.
Я одною мечтой был томим —
к той лететь, кто бессонниц причина,
кто владеет всем сердцем моим...
Ты прости меня,
Янка,
Янина!

Я ПОМНЮ

Робкий влюбленный, над речкою Демой
вечер явился на смену полдню.
Гремит мое сердце над тишью и дремой...
Помнишь ли ты?
Я помню!

Сияли лишь нам в силу новой привычки
светила, что плыли по звездному всполью.
Луна круглится, как девичье личико...
Помнишь ли ты?
Я помню!

И будто все в мире с тобою связалось —
входила ты тихо под каждую кровлю.
Мне песней любимое имя казалось...
Помнишь ли ты?
Я помню!

В тот миг, шагнув за хребты и ущелья,
я всю бы вселенную обнял, как ровню.
Вот только тебя обнять не посмел я...
Помнишь ли ты?
Я помню!

С тех пор и союз мой с песнею вечен,
сладкой печалью я душу полню...
Помнишь ли тот вечно длящийся вечер?
Помнишь ли ты?
Я помню!

ТАЛАНТЫ

Звездный путь возвестили куранты,
лазер взгляд устремляет во тьму...
Не Атланты, а только таланты
на себе держат землю саму.

И они знали зло и гоненья —
голова становилась бела.
Но таланту ума и терпенья,
видно, больше природа дала.

Как и все, они встанут не сразу —
они тихо живут до поры.
Но талант, он подобен алмазу:
он пробьется сквозь камень горы.

И в душе моей властвует праздник,
и восторга глаза не таят,
коль средь прочих «хороших и разных»
я вдруг подлинный встречу талант.

Он безумной зовет высотою,
Прикоснешься — и больше не сир.
И великой своей красотою
лишь талантам обязан наш мир!

СОЛОВЬИ

Бывало — иду я к волнам Аг-Идели,
и вмиг улетали все беды мои,
когда над моей головою пели
наши отчаянные соловьи.

Певец, он на шелесты ив отзовется,
и чувства достойны вниманья певца —
пока его сердце не разорвется,
он разрывает наши сердца...

Но лучшую арию в звонких раскатах
поет он любви,— да, только лишь ей!
Среди всех прочих солистов пернатых
он только единственный, соловей.

Поэты — мы все же народ не бесплотный,
мы тоже мечту свою ниточкой вьем:
«О, было бы счастьем, когда бы народ мой
назвал и меня своим соловьем!..»

Есть птицы такие — подай ты им просо,
есть птицы — ты небо им дай без границ.

О, знаю: совсем не легко и не просто
прослыть соловьем у людей и у птиц!

Но только пускай наши очи не меркнут,
наш мир беспредельно высок и широк:
в нем место находят и кенарь, и беркут,
и стриж, и малиновка, и голубок.

Мы в общем строю — и бессильны печали,
нужны наши песни — твои и мои!
И если не все соловьями мы стали,—
то мы из краев, где живут соловьи...

ВЕЧЕР В КОКТЕБЕЛЕ

Вновь стою я у крымского берега,
море вечный ворочает груз.
И ладони горы держат бережно
округлившийся лунный арбуз.

И луна меня тихо касается,
и, как свой, улыбаюсь я ей,
будто сызнова с этой красавицей
из ночного мы гоним коней.

Море ртутью лежит в этой лунности,
ярки камешки, как светляки...
Запевайте же песнь нашей юности,
песню наших краев, земляки!

Ах, мы спели бы, спели, как исстари!
Но иным стал прибрежный уют;
здесь всю ночь завывают транзисторы,
непонятные песни поют.

И другое уже поколение
мнет гитарные грифы в руках,
и гитары иное волнение
на заморских поют языках.

На всю мощность приемники врублены —
ритм иной и настрой весь иной.
И поэты, как мы, о возлюбленных
не вздыхают уже под луной.

Ладно.
Может быть, все это мелочи.
Берег тот же. И та же волна.
Но как будто о чем сожалеючи,
усмехаемся — я и луна.

Пусть грохочут мелодии ломкие,
но навек, до конца наших дней,
не прогонишь из сердца
негромкие
песни юности давней моей.

Пели их, где пути были вздыблены,
где огня мы хлебнули сполна...
Шум стихает.
Мы снова незыблемы —
я и море, гора и луна.

* * *

Бушуй, мое море! Греми в тишине!
Мы — братья по духу, по дерзости!
На этом свете вот так же и мне
не хочется гладкой поверхности.
Но ты волнуешься ветру лишь в лад,
вторичным живешь колыханием.
Мои же волнения отлетят
только с последним дыханием...

Перевод с башкирского
В. ВИНОГРАДОВА.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

«ГОРЬКИ

Олд Бридж — городок в штате Нью-Джерси. Такого типа захолустье сами американцы метко называют «спальным городом». Почему? Потому что взрослое жизнедеятельное население не имеет там никаких возможностей для службы или бизнеса и вынуждено ежедневно, с утра пораньше, отправляться на работу в ближайшие настоящие города — государственные, деловые и финансовые центры; под своей же родной крышей взрослые жители Олд Бриджа только ночуют. Отсюда и это выражение — «спальный горо̀д», каких в США тысячи. Но даже в их полусонную и по-американски патриархальную жизнь все равно врываются свежие ветры современности. Таким ветром в Олд Бридже на меня пахнуло в стенах местной школы.

Для сравнительно небольшого населенного пункта школа эта очень велика — две тысячи учащихся. Все они из самого городка, а также из прилегающих к нему окрестностей. Школа, по американским понятиям, самая обыкновенная, государственная (в стране немало и частных школ). Можно сказать, что это средняя школа второй ступени, в ней учатся ребята 9—12-х классов (обучение не десятилетнее, а двенадцатилетнее).

Немного о самой школе. Мне она понравилась. Здесь я имею в виду не только удобное помещение и хорошее оборудование, но и саму систему обучения. Правда, должен признаться, что американцы не всегда соглашались со мной, когда я говорил им добрые слова об их системе обучения. Даже в этой школе один преподаватель, бывавший у нас, заявил мне, что он лично предпочитает нашу школу с ее порядками и методами.

В школе, что находится в Олд Бридже, многие предметы не являются обязательными для всех. Каждый ученик волен выбирать из них себе по душе, с учетом своих наклонностей и планов на будущее. Например, можно записаться на курс лекций и практических работ по автоделу, домоводству, машинописи, зубоврачебной практике, кулинарии, живописи и скульптуре, истории, литературе, искусству и т. п. Для удовлетворения таких наклонностей в школе есть: свой автопарк и мастерские; школьные ясли и детский сад, куда живущие поблизости родители приводят своих малышей; большой зал, где стоят десятки электрических пишущих машинок; помещения с современными кухнями и прочим домашним оборудованием; художественная студия и т. п. Есть и два очень больших спортивных зала, один — для мальчиков, другой — для девочек.

В школе, помимо прочих предметов, преподают такие иностранные языки: французский, немецкий, итальянский, испанский. Тоже по выбору самих учащихся. Четыре года назад здесь начали изучать и русский язык. А это для Олд Бриджа был действительно свежий ветер наших дней. Обитатели городка долго судили и рядили по поводу такого новшества. Одни боялись, что изучение русского языка будет только способствовать распространению здесь коммунистических идей, опасались, как бы тихий зеленый городок не стал вдруг красным. Другие утверждали, что русский изучать нужно, поскольку, мол, это язык самых главных и опасных недругов Америки. Но сторонники и того и другого взгляда были в явном меньшинстве. Большинство жителей просто считало, что русский язык стал одним из главных языков мира и потому он необходим в школе, где уже изучают несколько иностранных языков.

Итак, школьное начальство решило ввести в свои программы русский язык. Была найдена учительница — Саша Весслер. Тогда ей было 28 лет, но ее молодость отнюдь не означала отсутствия опыта. Не имея никогда никаких связей с Россией, она со школьной скамьи полюбила русскую литературу (вначале, разумеется, в переводах на английский) и решила изучить наш язык. Даже свое подлинное имя, Сандра, она переделала на Сашу, и теперь ее все так и зовут, включая ее родителей. Она рассказывает о себе:

«Что касается моего происхождения, то во мне много разных кровей, есть даже немного от американских индейцев, но русской нет. Когда в школе учила латынь и подумывала, какой еще язык мне выбрать, вы запустили спутник, и я тут же решила изучать русский язык. Нашла школу, где преподавали русский, перевелась туда и изучала его там два года. Преподаватель посоветовал мне после окончания школы попробовать наняться гидом на одну из американских выставок для Советского Союза. Я последовала этому совету. После окончания специальных языковых курсов в Вашингтоне выехала в СССР с выставкой средств связи. Тогда я провела в Советском Союзе шесть месяцев. Вначале, конечно, было нелегко переводить, но постепенно все пошло на лад. Затем я снова побывала в СССР с выставкой, посвященной американской архитектуре. А в 1971 году мне очень повезло: в течение нескольких месяцев я смогла поработать преподавателем в специальной английской школе в Москве. Я в восторге от дружного коллектива учителей, с которыми работала, все они превосходные специалисты. Именно в этой школе я окончательно решила стать преподавателем».

Могу засвидетельствовать, что Саша Весслер сделала правильный выбор. В Олд Бридже я присутствовал на пяти ее уроках, видел, как она занимается с ребятами, изучающими русский язык первый, второй, третий и четвертый год. При добровольном, повторяю, выборе языка в этой школе у Саши уже около ста учеников! В этом, конечно, большая ее заслуга. Она не только хорошо знает русский язык. Она любит его и умеет привить эту любовь своим ученикам. Их увлеченность и энтузиазм — вот что прежде всего отличает ее уроки.

Может быть, с точки зрения ортодоксальной педагогической науки, на ее уроках не все идет так, как положено. Но зато ребята не скучают, даже постигая сложные тайны русской грамматики. Все в классе без исключения постоянно вовлечены в живой и, более того, остроумный диалог со своей учительницей.

— Где вы обычно отдыхаете? — задается классу очередной вопрос. Тут же тянется лес рук, каждый готов ответить. Саша обращается к одному парню. Тот отвечает:

— Я обычно отдыхаю на уроках.

Общий смех всего класса.

— Надеюсь, не на уроках русского языка? — продолжает диалог учительница.

Другие ее вопросы:

— Кто из вас курит? Хорошо это или плохо? Курите ли вы, когда идете по улице? Прилично ли это?

Еще типично американские вопросы:

— Какой марки и какого цвета ваша машина? А какая у меня машина?

В ответ на последний вопрос одна девушка вполголоса замечает:

— Плохая.

Снова в классе дружный смех. Машина у их учительницы действительно старенькая и весьма потрепанная.

— Опишите, как я хожу сейчас перед вами,— спрашивает Саша, вышагивая перед партами, как солдат на параде, громко стуча каблуками.

И тут же быстрый ответ одного из школьников (все это на русском языке, разумеется):

— Как слон!

Говорить по-русски американскому школьнику нелегко, шутить — еще труднее. Но они обладают счастливой возможностью: под руководством своей учительницы осваивают русский язык как бы играючи. И это, думаю, самый верный метод, когда имеешь дело с веселой и задорной юностью.

На уроке с ребятами, изучающими русский язык третий год, Саша Весслер вдруг устраивает пятиминутную передышку — все пьют кофе с булочками. Это самая способная группа из всех, и с ней учительницу связывают особенно дружеские отношения.

Не совсем обычно выглядит и сама аудитория, где проходят занятия по русскому языку. Во всю стену нарисован Московский Кремль. Под ним по-русски выведен лозунг: «Пусть всегда будет солнце!» Также по-русски крупно написаны наши пословицы. Здесь же цитаты из детских стихотворений Маршака и Чуковского. Их ребята очень любят, знают наизусть. Саша Весслер говорит, что эти хрестоматийные, кристально чистые стихотворные строки очень помогают в учебе.

Но самый главный секрет успеха здесь в том, что классными занятиями и домашними уроками дело не ограничивается. Саша Весслер работает так, что русский язык становится для ее учеников частью их жизни. В школе создан Русский клуб. Есть в нем президент, вице-президент, казначей, секретарь и, конечно, десятки членов. Есть у клуба свой печатный орган, журнал «Ежик», со своим главным редактором и редколлегией. Есть русский хор. Его репертуар уже весьма обширен: «На закате ходит парень...», «Вниз по матушке по Волге...» «Во поле березонька стояла...», «Ехали цыгане...».

Успех русского школьного хора дал толчок новому начинанию: ребята решили поставить своими силами телевизионную программу на русском языке. Режиссером ее стала Саша Весслер. Программу назвали «Горький стрит». Это была удачная находка, в названии органично переплелись два начала: русское и американское, причем не только по созвучию, но и по смыслу. Дело в том, что в США есть популярная телевизионная программа, которая учит уму-разуму дошкольников и которая называется «Сисэм стрит». Отсюда по аналогии и родилось словосочетание «Горький стрит».

На уроке русского языка.

Й СТРИТ»

Вслед за первой программой ребята поставили и вторую. Каждая идет по двадцать минут. Отрывки из них показывали даже по нью-йоркскому телевидению. Я видел обе программы. Шуточные сценки, клоунады, русские танцы и песни. И главное — русская речь школьников, участвующих в представлении. Все от начала до конца, от русских костюмов до телесъемки, сделано самими ребятами. Обе программы начинаются и заканчиваются песней, которую исполняет весь ансамбль:

«Здравствуйте! Как вы поживаете?
Мы будем играть и учиться.
Скажите, как попасть на улицу Горького?

Солнечный день — это хороший день.
Мы любим говорить по-русски.
Скажите, как попасть на улицу Горького?

Теперь вы слышали, что мы делаем.
Мы знаем, вам будет весело.
Приходите танцевать и петь на улицу Горького.

Ребята уже ждут нас на улице Горького.
Пошли на улицу Горького!
Пошли на улицу Горького!»

Для этого хора американских школьников понятие «улица Горького» отнюдь не абстрактное. Многие из них уже гуляли по ней.

Велико было желание ребят, изучающих русский язык, поехать в нашу страну. Но где взять столько денег? И вот девочки урывают часы для работы в ресторанах, мальчики — в гаражах. Сотни часов отсидели они с малышами в роли нянь (тоже за плату, разумеется). Мало этого. Много раз вставали они в три часа ночи, чтобы поспеть к открытию местного базара, куда они несли на продажу всякое старье, которое не нужно дома. Так, доллар к доллару, складывался фонд на поездку в Советский Союз (недаром в Русском школьном клубе есть и казначей!). Захваченные таким небывалым энтузиазмом детей, кое-что добавили на поездку и родители. И вот победа! Двенадцать ребят с двумя преподавателями летят к нам и в течение двух недель посещают Москву, Ленинград и Киев. В своем журнале «Ежик» участники поездки так заканчивают свой рассказ: «Сборы домой мы начали с того, что пытались втиснуть в свой багаж все подарки и сувениры. Вскарабкавшись по трапу в самолет, мы качались от усталости и постоянного недосыпания. Но хотя мы совсем обессилели физически, торжеству нашему не было предела, мы были переполнены чудесными воспоминаниями об этом замечательном путешествии».

Когда я беседовал в школе с участниками этой поездки, я отчетливо ощутил и на самом себе тот неистощимый заряд дружеского тепла, который они получили, общаясь со своими советскими сверстниками. И идут сейчас туда и обратно десятки писем с адресами, в которых упоминаются Москва, Ленинград, Киев и Олд Бридж. Этим летом ребята из Олд Бриджа снова собираются в Советский Союз. Ждут у себя и наших школьников. Учителя наши уже побывали в Олд Бридже.

Начало положено! Доброе начало.

...Завершив свое путешествие по Соединенным Штатам, я долго беседовал в Нью-Йорке с профессорами Колумбийского университета. Все они являются видными специалистами в области советско-американских отношений. Они задали мне много вопросов. Одно из их главных соображений можно коротко выразить так: разрядка напряженности, политические и деловые связи, сотрудничество в науке — это все, конечно, хорошо, но вот как обстоит дело с советско-американскими контактами не на официальном уровне, а на самом обыкновенном, человеческом? В этом их вопросе слышался некоторый вызов и, если хотите, упрек. И я рассказал профессорам политических наук о школе в Олд Бридже, о дружбе американских и советских ребят. Мои собеседники ничего об этом не знали. После моего рассказа вопросов о «простых человеческих советско-американских контактах» они мне больше не задавали и упреков не высказывали.

Олд Бридж, штат Нью-Джерси, США.

Край земли.

На Курилах это понятие воспринимаете буквально. В Москве полночь, а здесь новый день успел отшагать уже треть своего пути. Конечно, поясное время не довод. Есть у нас земли, что лежат еще на два часа дальше от столицы. Но, пожалуй, нигде отдаленность не чувствуется так, как на этой цепочке островов, рассыпанных по дуге от Камчатки до Хоккайдо. Быть может, это ощущение происходит от необычного их вида. Древние вулканы поднялись над морем и словно раздумывают, не показать ли свой норов. А может, это приходит от необозримости Великого океана, который напирает на острова с востока.

Край земли. Земля нашенской. Тут лежит восточный рубеж Родины. День тут начинается на восемь часов раньше, чем в Москве. Но для моряков-пограничников временные пояса — вещь условная, потому что они несут вахту и днем и ночью.

НА ДА

У знамени корабля.

Вынос боевого знамени.

САМЫХ ЛЬНИХ ОСТРОВАХ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

В штурманской рубке.

На морском рубеже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ему нужно было забыться, и он пил наравне со всеми, не чувствуя сивушного вкуса трофейного шнапса, только огненнее обжигало его, сжимало дыхание, и все труднее воспринималось происходившее вокруг — звуки нетрезвых голосов, стук бутылок и опорожненных стаканов о стол,— и было как-то противоестественно-невыносимо, что говор становился неумеренней, громче, гуще, как жарче и гуще становился воздух гостиной, освещенной керосиновой лампой под абажуром, той самой гостиной, где вчера ночью еще был живым лейтенант Княжко — играл в карты, наклоняя голову с зачесанными на косой пробор волосами, допрашивал немцев, ходил, говорил, оправлял портупею, приказывал, задумчиво глядел на огонь камина... А сейчас здесь, в этой гостиной, они поминали его.

И хотя после каждого налитого стакана Гранатуров, мрачно возвышаясь над столом, произносил: «Помянем лейтенанта Княжко»,— и хотя было многолико, тесно, даже оживленно от множества людей, от гула участливого хмельного объединения, не хватало чего-то главного, нужного, не восполнимого ничем, и необоримая гнетущая пустота тоской разрывала душу Никитина. Если бы он сам не видел, как погиб Княжко, как, ударенный очередью из окна мансарды, упал на колени и провел носовым платком по лбу, вроде бы пытаясь вытереть кровь, ему было бы легче во много раз. Но память его, отуманенная водкой, не выпускала, не высвобождала те последние секунды на поляне лесничества, которые были смертью Княжко, и то последнее мальчишеское выражение на бледном его, забрызганном кровью лице, и те непостижимо понятные, страшно подтвержденные рыданиями слова Гали: «Только он, он один погиб...»

Он почти не слышал ни слова из того, что говорили здесь, вспоминая Княжко, и порой ему хотелось вскочить из-за стола, уйти, оставить этот пьяный шум поминок, кинуться в медсанбат, найти там Галю, долго, ожесточенно просить прощения за себя, за всех, за всю батарею и в соединенном сладком отчаянном понимании друг друга покаянно встать на колени, целовать Галины пальцы и говорить ей о Княжко, о том, что он был смелее всех, умнее всех, честнее всех и что невозможно представить батареи без него, и невозможно заполнить неизбывную пустоту без него,— и дрожащими иголочками царапало Никитину горло, и он проталкивал глотками тугой комок слез, а горячая влага жгла веки, щекотала переносицу.

Со сцепленными зубами он отклонился в теневую полосу, очерченную зеленым колпаком лампы, незаметно обтер рукавом глаза, потом резко качнулся к столу, без приглашения Гранатурова решительно налил полный стакан водки, выпил и вдруг встал на непрочных ногах. Его подташнивало и пошатывало. Он не знал, зачем он встал, зачем ему надо было встать.

На него не обратили внимания — везде разговаривали, перебивали один другого, курили, ели столовыми ложками жирные свиные консервы из железных, торчащих зазубренными крышками банок; наводчик Таткин, не то смеясь, не то плача — светлые капли блестели на его рыжих усах,— обнимал за плечи Ушатикова (тот исподтишка гладил, растроганно кормил на коленях кошку) и говорил умиленным голосом, что, дай бы бог, война закончилась, детишек бы своих увидеть, целой ноги или руки ради этого не пожалел бы, а рядом — сквозь дым самокрутки пожилой командир четвертого орудия старший сержант Зыкин смотрел на Никитина с сочувственно-скорбным укором усталого человека. «Почему он смотрит на меня, будто я пьян? — горько и мимолетно подумал Никитин.— Нет, я совершенно трезв, просто у меня невыносимая какая-то тоска, и я не знаю, что мне делать. Зачем я встал? О чем они говорят? Но что я хочу? Что я хочу?..»

Казалось ему: было непростительным и ужасным то, что не в меру выпитая водка облегчала сознание и уже сняла с солдат давящую тяжесть дневного боя, недавних похорон, прощальный залп автоматов, который прозвучал на городском кладбище над пугающе свежим земляным бугорком, где слова на дощечке «погиб...» навсегда отделили от жизни лейтенанта Княжко, и никто, наверно, не помнил вороненое крыло волос на мраморно-белой щеке Гали, все время с закрытыми глазами окоченело стоявшей тогда возле Никитина, и никто из пьющих сейчас эту немецкую водку и жующих за столом эти трофейные консервы, без нормы отпущенные старшиной по приказу Гранатурова, не вспоминал безумный бой с самоходками, бой в лесничестве и тот чудовищный миг, когда ударила из окна мансарды автоматная очередь, никто не признавал свою вину в том, что удачливо миновало каждого и по несчастливой судьбе не миновало одного Княжко. И Никитин почувствовал, что готов ненавидеть всех их за гибельный сегодняшний бой, за отвратительно мелкие теперь разговоры, бестолковый шум в накуренной комнате, за выражение дурного возбуждения на потных и багровых лицах.

«Мне надо сесть и молчать. Я сейчас сделаю что-то злое, обидное для них... Что же... Что они? О чем, о каких нелепых пустяках они говорят?» — соображал Никитин, с насмешкой глядя на заметно захмелевшего Гранатурова, на его огромные пальцы здоровой руки, а тот двигал ими и вынимал какие-то бумаги из полевой сумки Княжко, взятой Межениным и в начале поминок положенной перед комбатом на стол.

«Что он?.. Что он там рассматривает? Какое он имеет право лезть в сумку Княжко? Я знаю: комбат не любил его. И Княжко не любил. Они только терпели друг друга. И зачем Меженин показывает Гранатурову какую-то записку? Откуда записка? Из сумки? Кажется, они говорят, что нужно сообщить родным о гибели Княжко. Кто напишет письмо?.. Гранатуров? Сам? Кто?..»

— Комбат...— глухо выговорил Никитин спадающим до шепота голосом и, собрав душного воздуха в легкие, повторил тоном неприятного самому себе накала: — Старший лейтенант Гранатуров!..

Гранатуров глянул на него проникающими подозрительными глазами, затем тяжело спросил:

— Что хочешь сказать, Никитин?

— Документы... сумку Княжко дайте мне,— с внезапной твердостью проговорил Никитин.— Я сам... напишу письмо...— Он усмехнулся, еще силясь быть внешне спокойным, но лицо не подчинялось ему, оно ощущалось им омерзительно каменным.— У вас, комбат, письмо к родным лейтенанта Княжко не получится. Вы... и Княжко — разные люди...

— Сядь, Никитин,— сказал Гранатуров сумрачно.

«Зачем я ему говорю это? К чему? — соображал Никитин, неясно сознавая собственную неправоту, и потянул пальцем за воротник гимнастерки, скользкий, влажный от пота.— Я свожу счеты после смерти Княжко? Так кто... кто виноват? Гранатуров? Меженин? Ушатиков? Или я? То безумие было сегодня... Все считали, что был последний бой? И жизнь каждого стала дороже? Нет, я много выпил, но я не так уж пьян. Я способен думать, значит, не пьян, как это кажется Гранатурову...»

— Сядь, Никитин,— свел брови Гранатуров и, дочитав записку, вложил ее обратно в раскрытую сумку на столе.— То, что вы друзья были, знаю. Возьми сумку. Напиши в письме, что, мол, лейтенант Княжко, ваш сын, погиб героической смертью в боях за Берлин,— добавил Гранатуров, наблюдая, как сумку Княжко передавали по рукам Никитину.— Покрасивее напиши. Атаковали, мол, танки. Был бой насмерть, лейтенант Княжко, раненый, не ушел с поля боя, самолично подбил несколько вражеских танков и погиб у орудия. Так написать надо. Погиб, как герой. Только так. Чтоб внушительнее было. Иначе...

— Нет! — И Никитин, будто накрытый горячей темнотой, с размаху ударил кулаком по столу, отчего задрожали, скандально зазвенели бутылки о стаканы.— Нет, не так, комбат! Совсем не так!

— Почему не так? — насторожился Гранатуров, и тень недовольства прошла по его смуглому лицу.

— Вранье писать?.. Красивое вранье писать о Княжко я не буду! Я напишу так, как все произошло!

«Что я так обозлился на него? Он хочет, чтоб внушительней было? Красивая глупость штабных писарей? Что это значит? Разве можно погибнуть внушительно и невнушительно? Да о чем я с ним говорю? При солдатах... И зачем я кулаком по столу?» — подумал Никитин, понимая неуместность спора, но в то же время, подхваченный каким-то жаром сопротивления, заговорил распрямленным голосом:

— Княжко был смелее нас всех. И погиб потому, что был лучше нас. Да, лучше. Тихо, Меженин! Какого черта вы улыбаетесь? — крикнул Никитин и снова стукнул кулаком по столу.— Расстрелять безоружного немца и последний дурак, последний трус сумеет! Трусость! Это же идиотство! Глупо все было! Стыдно было! Очередь в немца... А Княжко погиб... Не хотел крови. Он хотел прекратить бой! И мы, как трусы, как трусы...

«Странно они все смотрят на меня. Да, лицо. У меня отвратительное сейчас лицо. Я чувствую, как оно кривится и горит».

— Лейтенант, а лейтенант...

Меженин, подтолкнутый хмурым Гранатуровым, подошел к Никитину, тронул его за плечо, сказал негромко:

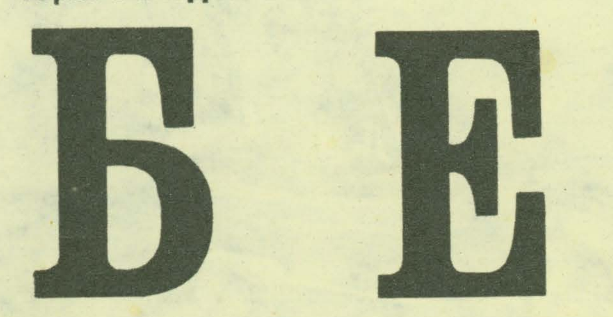
— Лейтенант, а лейтенант, пошли наверх, а? Я полегоньку провожу. День сегодня такой был...

Лицо Меженина, потное, серьезное и, мнилось, совершенно трезвое, совсем не такое, какое было, когда он стрелял в того немца, умело скрывало неискренность помощи, даже насмешливую издевку, как представилось Никитину, над его опьянением, и почему-то сразу охватили его в сером дыму жалостно-сочувственные взгляды притихших солдат. Но он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20.

Юрий БОНДАРЕВ   **РОМАН**   **Рисунки И. ПЧЕЛКО**

БЕРЕГ

не мог бы объяснить, сказать им, что нет и никто не найдет справедливости и веры, чтобы оправдать гибель Княжко, и нет у него сил заглушить незаполнимую этими поминками пустоту тоски, одиночества, неисчезающую железистую горечь, острием воткнувшуюся в грудь. Просто все потеряло нужность и значение, окраску и смысл: рядом уже не было и никогда не будет Княжко, с его аккуратно зачесанными на пробор светлыми волосами, с его всегда подшитым чистейшим подворотничком, легкой поступью хромовых сапожек, с его строгим, иногда высокомерным взглядом зеленоватых глаз, знающих что-то свое, не открытое никому.

Да, многое было бы иначе, если бы Княжко, живой, стройно затянутый портупеей, ясный и нераскрытый, как загадка, находился в этой комнате. Но Княжко не было ни где-то вблизи, в соседнем доме, ни тут, в гостиной, где должен был быть он, и все безвыходно растворилось, опустело, застыло в безрадостно тусклом тумане.

— Лейтенант, а лейтенант, пойдем, я провожу...

— Куда вы меня проводите? Зачем? Уберите руку ко всем чертям! — Никитин столкнул руку сержанта, увесисто легшую на плечо, с больным упорством встречая молчаливое внимание солдат, словно выпытывая, спрашивая у них, смогут ли они жить так, как жили до гибели Княжко, заговорил заплетающимся языком: — Мы все... еще поймем, мы все будем виноваты... за то, что он погиб, а мы остались живы... и еще думаем, что нам повезло. Мы ждали, что все сделает он. А он один не боялся смерти. Я ненавижу себя. И не могу всем вам простить. И себе. Трусости...

Вверх от стола пополз, вытянулся подбородок Ушатикова, переставшего кормить кошку на коленях, и над банкой консервов всколыхнулись рыжеватые усы осовелого Таткина, который слезливо-влажно взглянул куда-то в пространство, вздохнул:

— Жить бы ему да жить, царство ему небесное. Строг, но справедлив был.

— Ко... кошку он принес, помните? Накормите, говорит... Зачем же он к немцам, проклятым, пошел? — удивленно и протестующе залепетал Ушатиков, заморгав.— Себя не жалел, а они... Ух, проклятые!

— Вот то-то и оно! Виновных, выходит, когда стреляют, нет! — заключающе уронил Меженин и вразвалку подошел к своему месту, плотно сел около Гранатурова, налил в кружку водки.

— Оба умны, аж мозги светятся,— проговорил старший сержант Зыкин, в угрюмой раздумчивости катая комочки хлеба на клеенке.— Один про кошку, другой, мол, вины ничьей нет. Нету с нами лейтенанта — вот тебе вся правда сполна, Меженин! А живые, они завсегда за мертвых отвечают. Видел я, как ты сперва... когда по самоходкам стреляли, себя-то потерял. Первый раз видел тебя таким. Смерть представил свою, небось, перед концом-то войны, а потом немца бородатого ухлопал. Это ты не за лейтенанта, за свой страх мстил. Вот она тебе правда, сержант, ежели так!

Желваки выпукло обозначились на скулах Меженина, длинные ресницы пропустили свинцовый свет глаз.

— Заткнулся бы ты, ангел без крылышек! — выговорил он, и медленная полуухмылка натянула кожу на его висках.— Чего гундишь понапрасну? Молчи себе в тряпочку! Понял? Да я б всех их ухлопал, всех на тот свет, если б некоторые жалостливые не вмешивались! Во, комбат, как они фрицев защищают! А?

Немецкая гостиная, керосиновая лампа и стол плыли в пелене перед Никитиным, и зыбко виден был под светом лампы Гранатуров, сидел, чернея косыми бачками, мрачный, не размыкая большого рта, и в полутени абажура проступали, меркло лоснясь испариной, собранные злобой скулы Меженина, этого давнего среди командиров орудий его любимца, явно уверенного в своей непогрешимой законной правоте, данной ему присутствием Гранатурова.

И Зыкин всердцах смахнул крошки хлеба с клеенки.

— По-русски говоря, убивец ты, ежели в

безоружного немца запросто пальнул. Сам, выходит, вроде палача какого стал,— сказал он истово.— Вот тебе и весь сказ. Смотреть на тебя неудобно. Не могу я тебя уважать, сержант, после того... При солдатах говорю. Да и при комбате сказано...

— Ма-алчать, Зыкин! Развели антимонию Иисуса Христа! Это мой приказ был! Пока война идет — никакой церемонии с немцами! Как что — в овечек превращаемся! Да они нас бы всех до одного! А мы еще будем разводить всякое сю-сю! — взбешенно вмешался Гранатуров.— Если уж всю правду-матку говорить, Никитин,— Гранатуров загремел столом, поднялся, забинтованная его рука вскинулась на перевязи,— то Княжко пожалел этих сосунков, а они в ответ на благородство — очередь из автомата. Не-ет, такое рыцарство — к богу в рай! Щечку подставлять, ударь меня! К кому жалость? К тому, кто из тебя кишки выпустит? Он был лучше всех, говоришь, Никитин? Ладно, пусть так! Прочитай его письмо... в общем, неважно, к кому оно, сам поймешь! Я любил Княжко за многие качества не меньше тебя и уважал, но... зачем ему нужно было? Он сам смерть искал... это я тоже сегодня понял!

— Врешь, комбат! Чушь порешь! Ты его любил? Ты его ревновал и боялся! — оборвал Никитин, заражаясь гневом и непримиримостью, грубо переходя на «ты».— Поэтому тебе не сиделось в медсанбате. Тебе никогда не быть таким, как он, никогда и ни в чем! Что касается Меженина, то лучше возьми его, комбат, к себе в ординарцы, пока не поздно! Терпеть я его во взводе не могу!

— Это что, Никитин, угроза Меженину?

— В штрафную грозит меня сплавить,— ухмыльнулся Меженин.— Вот как, товарищ старший лейтенант.

Удушливо спертая тишина пала в комнате, ощущалась, как физическое давление воздуха, как преграда, как выросшая стена, которую не было сил преодолеть, а он надеялся, что придет момент облегчения после высказанной им всем правды о Княжко, но не стало легче. Все, связанное с сегодняшним днем, с Межениным, Гранатуровым, приехавшим не ко времени, все, связанное с гибелью Княжко, было стянуто в крепкий узел, сплетенный из трех дней предательски-коварного отдыха, мгновенно отбросивших войну куда-то в недосягаемо отдаленное,— и на предельной скорости, на полном ходу война ложно закончилась. А это был жестокий обман, которому поверили они три дня назад, когда вывели их из боев, из горящего Берлина; да, их обманули, и потом, сегодня утром, наступило безумие. И Никитин, чувствуя бесповоротность случившегося сегодня, выговорил с тоскливым отчаянием ярости:

— Противно, отвратительно! И ты, комбат, противен, и ты, Меженин! Как трусы, расхрабрились перед пленными... Противно, отвратительно! А Княжко погиб... Нет, мы все виноваты. Все до одного. И я. И все вы. Отвратительно!..

Его злые, в бессилии сжигающие самого себя слова срывались и падали острыми камнями и будто без всплеска уходили в глубину до звона в ушах спрессованной тишины, а из сероватого ее тумана смотрели на Никитина и плотно и душно окружали его молчанием удивленные глаза солдат.

— Не умеешь пить! — загудел бас Гранатурова.— Говори, говори, но сперва проспись!

— Не ори, комбат, плевать я хотел...

— Никитин! Придержи язык, забываешься, хоть ты и пьян! Знаешь, что за это?..

— Неужели ты думаешь, что я боюсь тебя, комбат? А потом... Ты сейчас не командуешь батареей, ты в медсанбате... и уезжай к черту!

С тошнотным головокружением Никитин взял сумку Княжко, стараясь не пошатнуться, повернулся и, усилием тела сохраняя равновесие, шагая чересчур ровно, пошел из комнаты. При выходе его качнуло, ударило плечом о косяк, и он выругался, захлопнул за собой дверь.

Галина!

Твои частые посещения батареи после моей выписки из медсанбата в высшей степени не нравятся мне. То, что было между нами, нельзя назвать тем, что бывает раз в жизни. Я относился к тебе в медсанбате, как ко всем врачам и медсестрам, а тот разговор ночью ты, наверно, поняла не так, как надо. Поэтому я вынужден высказать все. Я не имею права тебя любить, и ты не имеешь этого права, потому что на войне нет ни зáмка, ни дворца для Джульетты и Ромео в погонах. Извини за грубую насмешку, но каждый раз, когда (выражаясь военным языком) я принимаю решение, я делаю, может быть, не то, что мне хочется — возможно ли это понять?— а заставляю себя быть не тем, кто я есть на самом деле. И все-таки я сам не знаю, что я есть на самом деле. Больше всего не хочу показаться слабым перед самим собой... (зачеркнута фраза). Тогда ночью ты сказала, что я презираю, или боюсь женщин, или отношусь к ним по-книжному. Что ж... Какая прекрасная бывала тишина в кабинете отца и как прекрасно было лежать на старом уютном диване в какой-нибудь зимний день с метелью и сугробами во дворе и читать, читать или листать книги. Я был влюблен в девушек Тургенева, как это ни странно, и я был влюблен в Наташу Ростову. Ты права: на войне по-книжному ничего нет. А жаль: я хотел бы быть или рыцарем, или Андреем Болконским (мой тезка), хотя это смешно сейчас и даже смешно очень. Я терпеть не могу разные фронтовые флирты, эту постыдную любовь в окопной грязи, разговоры солдат по поводу этих всяких историй и ненавижу откровенности полковых донжуанов — омерзительно до предела. Я не хочу и не могу им уподобляться. Я дал себе слово еще два года назад... (зачеркнута фраза). Не хочу и не могу. Поэтому ничего серьезного между нами быть не может. Война есть война, и на войне не может быть никакой настоящей любви (какое странное и прекрасное слово!), а только видимость любви, пошлость, гадость...

Прошу тебя понять все правильно. Кроме того — меня ждут... (зачеркнута фраза).

Лейтенант Княжко.

Не зажигая керосиновую лампу, он прочитал это неотправленное письмо при свете ручного фонарика, а прочитав, погасил фонарик, ощупью сунул письмо в сумку Княжко, не находя воли встать, зажечь лампу, раздеться, и лежал распластанно на неразобранной постели. Его мутило, щекотно и мерзко теснило в груди, и постель головокружительно ныряла под ним, соскальзывала в бездну, тошнота подкатывала к горлу, но его не вытошнивало — и не приходило успокаивающего освобождения от тяжкого и непривычного хмеля, который не помогал ему забыться.

«Значит, он ее не любил,— соображал Никитин, ворочая головой на подушке.— Или все-таки любил, но не хотел, чтобы между ними было что-то? Он был влюблен в книжных женщин? Кто эти тургеневские женщины? Кажется, изучали в девятом классе. А что изучали?.. Хорошо, что он не передал письмо Гале. Ни разу не видел, чтобы он писал в Москву письма. А ему, я помню, писала мать, очень редко...»

Звездная ночь смотрела в окно мансарды; близкий пожар от еще не взошедшей луны багрово тлел за высокими соснами, за кирхой, светился наклонными в тени улиц бликами на скатах черепичных крыш такого же мирного, как и вчера, провинциального немецкого городка. Но, казалось, прошло несколько лет со вчерашней ночи, и то далекое, давнее и сегодняшнее, возникали в сознании Никитина невнятными отблесками лиц, зеленой травы, стрельбой орудий, звуками моторов, обрывками фраз, криками, отдельными словами, они колючими буравчиками копошились в ушах, сверлили голову изнурительной болью. Томясь рвотным давлением в горле, пытаясь найти какую-то осмысленную прочность, одну решающую мысль, ничем не исправимую логику вчерашнего и настоящего, только что прожитого дня, он кривился, стонал, будто совершил нечто преступное, постыдное, позорное, чему не было прощения и оправдания.

«Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...[1]»,— навязчиво появлялось и мерцающим готическим шрифтом, черной змейкой плыло и исчезало в коричневой темноте перед закрытыми глазами, и вновь появлялась протянутая змейка заученной фразы, и в ней был запах туалетного мыла, которым почему-то уже пахла эта неуловимая бархатная пустота. «Эмма! — внезапно толкнуло его, и он заметался на подушке, готовый спрятать лицо, зарыться в горячую ее мягкость от невыносимого чувства стыда, угрызения и раскаяния.— Что я наделал? Как это могло быть? Я не знаю, почему это произошло, это не имело права быть... Я с немкой? А Княжко погиб... Нет, это было предательство с моей стороны...»

Его затошнило, он успел вскочить с постели и словно на качающих его волнах подбежал к раскрытому окну, перегнулся через подоконник. Он давился, мычал, слезы заливали его лицо, он, проклиная себя, плакал, он хотел облегчения, хотел освобождения от несчастья, стыда, предательства, от давящей его тоскливой тяжести — и был противен самому себе в собственной слабости, в ненависти к этой физической беспомощности, к своему неумению пить, ко всей непонятной лживой запутанности последних дней, которые недавно имели, а теперь потеряли всякий смысл.

Потом он нащупал в потемках котелок с водой, оставшейся после утреннего бритья, облил голову и лицом вниз упал на постель, он стонал и терся губами о подушку.

«Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...»

И опять эта фраза однообразно мелькающей каруселью завертелась в коричневом пространстве, из туманца вытекая над зеленой травой, плыла вверх и куда-то вправо в сумеречную пустыню, окрашенная розоватыми бликами освещенных низкой луной крыш, пропадала за незнакомо-странным силуэтом кирхи, за островерхими вдали кровлями и вновь выскальзывала слева, повторяла однообразное свое обморочное кружение, вызывая металлическую горечь, неразрешимое желание понять, зачем она, откуда она, почему она преследует неотвязно...

Затем уплотненная темнота свалила его в удушливый провал, и на жестком дне, на земляных комьях глубокого этого провала он, не находя удобного положения, лежа на спине, задыхаясь в сырости могильного запаха, с замороженным от ужаса сердцем, услышал, как заскрежетали лопаты и сверху кидаемая на него влажная земля начала засыпать ему лицо, глаза и неповоротной толщей наглухо заваливать, сковывать грудь.

...А он знал, что только его одного после боя принесли на плащ-палатке и опустили в вырытую яму на неизвестном кладбище, но никто не знал, что он был еще жив, что произошла непоправимая, роковая ошибка,— и его молча хоронили вместо кого-то. Там, наверху, где зловеще заскребли штыковыми лопатами, непроглядная подступала мгла, не видно было никого, не звучало ни единого человеческого голоса. А ему во что бы то ни стало надо было крикнуть, предупредить, что он не погиб, что его по ошибке хоронят живого. Его задавливало землей, и было уже нельзя набрать для крика воздуха, и тут сверху нависло из пустынного мрака, вгляделось в провал чье-то ухмыляющееся, беспощадное лицо с обнаженными попорченными зубами, и это лицо стало угрожающе кричать, торопить кого-то, командовать, чтобы быстрей засыпали могилу, потому что в ней никого нет... И он едва собрал последние силы, чтобы громко застонать, позвать на помощь невидимых солдат, но они не слышали ничего. И быстрее заработали, заскрипели лопаты, и твердые комья застучали ему в лоб, шею, забивая дыхание запахом мокрой глины, и кто-то там наверху по-женски заплакал навзрыд, прощаясь с ним, и одновременно с тупыми ударами земли в его тело кто-то запричитал в черной тьме печально и протяжно:

— А-а-а!

И, вырываясь из задушья смерти, он меркнущим сознанием понял, кто был виновником этой ошибки, кто приказал солдатам похоронить его, и, придавленный глыбами земли, ее непроницаемой чернотой, он захлебнулся горькими слезами жалости к себе, исчезающим дыханием жизни заглотнул воздух и почувствовал, как кто-то трогает, гладит его грудь, плача над ним, тихонько поскуливая:

— Herr Leutnant, Herr Leutnant!..

...И тогда он рванулся к этому голосу, шепчущему из живого мира, и, весь охолонутый ледяным одиночеством смерти, такой явной минуту назад, очнувшись, вскрикнул:

— Кто это?

Вокруг была ночь, тишина, луна стояла высоко, в верхнем углу рамы, освещала мансарду.

[1] Я не знаю, что это такое...

Ю. Рязанов. ОЖИДАНИЕ. НОРМАНДИЯ—НЕМАН.

Б. Окороков. РАКЕТЧИК.

Нет, он был жив, он дышал, он, открыв глаза, лежал на постели, и возле постели темнела чья-то наклоненная к нему фигурка, выделялась силуэтом на стуле перед кроватью, прохладные пальцы равномерно гладили его потную грудь, и неразборчивый голос шептал, прерываемый слезными всхлипами:

— Herr Leutnant... Herr Leutnant...

«Неужели? Кто это? Как она здесь? Это она? Эмма? Как она могла прийти? Да, это она, она»,— подумал он, тягостно вспомнив, еще не стряхнув кошмарный гнет сна, и пот стекал по его вискам.

Он был раздет, накрыт теплой и мягкой периной — видимо, она раздевала его, стягивала сама пропотевшую, пропахшую толовой гарью гимнастерку, заляпанные грязью сапоги, укладывала на постель под перину, видя его в состоянии безобразного опьянения, и он, испытывая ожог стыда, резкую неприязнь к ней, будто был окончательно втянут в откровенное предательство, грубо сбросил ее руку со своей груди, сел на кровати.

— Уходи отсюда!

— Nein, nein! Herr Leutnant!..[1]

Она вся собралась комочком, сгорбилась и вдруг упала головой ему на плечо, осыпав его подбородок волосами, пахнущими туалетным мылом, истерично заплакала, водя мокрыми, в слезах губами по его щеке, умоляюще целуя мокрыми прикосновениями, а он чувствовал, как дрожало, судорогами напрягалось ее тело, выговаривал хриплым шепотом:

— Уходи сейчас же... Зачем ты пришла? Weg отсюда!

— Ich bin traurig, ich bin traurig...[2]

Он оттолкнул ее, непримиримо усмехнулся.

— Traurig? У тебя печаль? Какая? Ты, может, скажешь, что тебе жалко русского офицера? Ну, что тебе до него? Что? И какое отношение ты имеешь ко мне? Я сказал тебе — уходи. Weg!

Она как-то пришибленно замерла, услышав в его речи жестокие нотки, и при этом понятном ей слове «weg», опять всхлипывая, вскрикивая, так жалко, виновато обняла его за шею, ища примирения, оправдания, снисхождения, так горячо обливая его щеки обильными слезами, что он, сначала сделав попытку вырваться, оторвать ее руки, вдруг с закрытыми глазами стиснул зубы, растерянный, сломленный этим детским испуганным плачем, каким-то страстным порывом сочувствия, ее запинающимся шепотом, который убеждал, просил о чем-то, умолял его и вырывал этой мольбой из бредового отчаяния одиночества, из ледяной жути не исчезавшего в сознании сна:

— Ich bin traurig... Vadi-im! Entschuldige mich... Mein Vadi-im!..[3]

«Нет, нет, я никого не предал. Нет, я умер бы, если бы кого-нибудь предал! Что же это? Она не лжет? Она не может так лгать!» — подумал Никитин с томительной дурманной мукой, ощущая ее слезы на своем лице, ее мокрый кончик носа, вдавившийся ему в висок.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Она лежала, истомленно вытянув руки вдоль тела, чуть повернув в сторону заплаканное лицо, волосы рассыпались по подушке, текуче и мягко отливали под солнцем желтой медью,— дышала спокойно и ровно, как во сне; а он видел, что она не спала, сквозь полудремотно шевелящиеся ресницы следила за игрой чистого света по белизне потолка, по цветочным обоям мансарды, и подумал:

«Опять? Неужели? Все опять повторилось?»

А было уже утро, весеннее, свежее, безоблачное, где-то рядом, казалось, возле подоконника, трещали крыльями в саду птицы, слабо тянуло по комнате прохладным запахом обсыхающих после росы яблонь, и в сладком светоносном воздухе, золотисто вспыхивая, искорками рассыпая мельчайшую пыльцу, порхала под потолком, садилась на обои бабочка, залетевшая через раскрытое окно из сада.

Никитин впервые за войну видел этот живой осколочек когда-то бывшего зеленого и милого дачного лета, теплого, покатого к реке луга около забора, заросшего малиной, пушистыми островками одуванчиков среди полуденной травы, и, лежа на спине, долго наблюдал порхание бабочки, не двигаясь в оцепенении усталости, неизвестно зачем вспоминая знакомое со школы слово, которое Эмма могла понять, и сказал шепотом:

— Баттерфляй...

— Butterfly?

Она раздвинула полудремотные ресницы, еще мгновение сонно не понимая его, затем с робким удивлением обратила к нему лицо, пальцем коснулась его губ, поцеловала этот палец и прошептала:

— Butterfly auf englisch... Auf deutsch... Bitte, lerne doch Deutsch. Schmetterling, Schmetterling[4],— проговорила она по слогам и опять пальцем тронула, погладила его губы, с той же робостью ожидая, как он произнесет это слово.

— Бабочка, баттерфляй,— сказал тихо Никитин.— Очень похоже. Schmetterling? Нет, не похоже. Какое-то темное слово. Ты права, я плохо учил в школе немецкий. Ничего не помню. Отдельные слова и фразы, вроде «Ich gehe in die Schule»[5].

Она сморщилась совсем по-мальчишески, поняв лишь эту одну сказанную им фразу «Ich gehe in die Schule», но продолжала смотреть внимательно, вслушиваясь в его голос, и все не отнимала легонького пальца от нижней его губы, словно осязанием проверяла звучание чужого языка.

— Bitte, sprich[6],— попросила она.

— Кажется, в седьмом классе,— проговорил Никитин, не рассчитывая полностью, что она могла понять его,— нам задали выучить стихотворение Генриха Гейне. Из учебника немецкого языка... Ты знаешь такого поэта — Генриха Гейне?

— Heinrich? Heine?— Она скорчила жалобную гримаску, выражая недоумение, и быстро и доказательно заговорила что-то, однако тут же, смеясь, приподнялась, показала на свое ухо, на язык, поболтала меж зубов языком, как это делают дети «блы, блы, блы», и, притворно запротестовав, ладонью зажала рот ему; она убеждала его этим, что говорить сейчас так долго на разных языках не надо,— и упала навзничь, запредельно синея глазами, стала отыскивать на потолке бабочку, выговаривая суеверно и молитвенно: — Schmetterling, Schmetterling. Lieber Gott, Schmetterling!..[7]

Она соединила кисти рук лодочкой перед подбородком и с осторожным вдохом и выдохом торопливо зашептала непонятные бегучие слова, будто на самом деле облегченно молилась, заклинала и страстно благодарила кого-то, может быть, случайную эту бабочку, по суеверной примете залетевшую из сада в комнату, или же после ужасной ночи необычно тихое, светообильное, как радость, майское утро, или, может быть, счастливую судьбу в облике русского лейтенанта: ведь он первый защитил ее и вчера не погиб вместе с другим русским лейтенантом, позволившим ей и ее брату остаться в доме, занятом враждебными солдатами.

То, что Никитин не знал, о чем шептала она, а только воображением силился предположить, все же ревностно царапало его душу, точно в ее недавних слезах, сочувствии к нему, робкой и виноватой нежности проскальзывало нечто ложное, искусственное, заранее настроенное на возможность защиты с его стороны в доме, где стояли озлобленные вчерашним боем солдаты, которыми он командовал.

— Schmetterling, Schmetterling,— шептала она, провожая взглядом неслышное порхание бабочки под потолком, а Никитин, уже хмурясь, вопросительно глядел на ее лицо, оно неуловимо менялось, как тогда на допросе: то отблеск страха, то чистое выражение надежды появлялись и стирались в ее взгляде, то маленькими зеркальцами светились в грустной улыбке зубы, и, отражая улыбку, сине загорались глаза, заблудившиеся где-то в солнечном сверкании потолка.

«Что я делаю? Что же будет дальше? Чем это кончится? — в растерянном поиске ясности думал Никитин.— Мы не знаем друг друга, но как будто уже знаем и не стыдимся. И она лежит рядом со мной. «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, daß ich so traurig bin...»[8]. Да, да, это стихотворение Гейне, которое я вызубрил в школе. Я не досказал ей... А как дальше? Что дальше?.. «...So traurig bin...» А как же дальше?»

— Du bist... Schmetterling[9],— вдруг задумчиво проговорила она и, похоже было, жалея, благодарным нажатием мягко расслабленных губ поцеловала ему руку, подышала в ладонь, подумала и добавила, отделяя слова для понимания:— Und... ich... bin... Schmetterling. Vadim und Emma... Verstehst du mich?[10]

— Я бабочка? — догадался и усмехнулся Никитин.— Какая-то непонятная философия, Эмма. Меня можно сравнить с бабочкой?

— Philosophie? Es gibt keine Philosophie da![11]

Она, не выпуская его руки, проворно села на постели, откинув волосы, склонила голову, излишне серьезно изучила его ладонь, потом провела ноготком две скрещенные кривые линии, неуверенно сказала:

— Ein Mädchen namens Emma und ein junger Leutnant. Krieg... Schmetterling und das Mädchen Emma[12].

— Это, может, и правильно,— сказал Никитин.— Только ты, конечно, неправа насчет этой... Schmetterling.— Он, удивленный, повел головой на потолок, где желтым бликом прилепилась бабочка, и тотчас замолчал: в запасе не было ни одного нужного немецкого слова.

Это сравнение с бабочкой было, разумеется, чересчур сентиментальным, несерьезным, чересчур легковесным для него, четырежды награжденного боевыми орденами офицера, воевавшего три года, видевшего многое, что можно увидеть на войне, наученного принимать решения и отдавать приказы солдатам, подчиненным ему. Он считал себя вполне самостоятельным, опытным человеком, бывал порой самолюбив, вспыльчив и строг соответственно обстоятельствам, однако ни за что не признался бы никому, что вся его офицерская привычная жизнь была неестественной и вынужденной, а вся еще не прожитая жизнь — оборванное прошлое, летнее, солнечное, подробно не известное другим, о чем он иногда говорил одному только Княжко,— оставалась где-то радостным светом позади, в заросших старыми липами переулках лучшей в мире улицы Ордынки, в той особенно прекрасной, едва начавшейся жизни, будущее которой представлялось прерванным продолжением счастливых школьных лет. Но эта жалость Эммы, когда она поцеловала ему руку, и этот вроде бы намек на возраст («junger Leutnant») задели его, как напоминание о вероятной неопытности: «Она видела меня беспомощным, когда раздевала и укладывала в постель?»

— Насчет бабочки, Эмма, какая-то ерунда,— заговорил Никитин пасмурно, тщетно силясь найти немецкие слова.— Не в этом дело. А, черт, язык! Ну, как же тебе объяснить?

Он хотел сказать, что его невозможно так воздушно сравнивать с бабочкой, потому что он советский офицер и не боится ни бога, ни черта, ни немецких танков, ни осуждения солдат за то, что с ним случилось вчера, что он отвечает за поступки (в этом даже был подчеркнутый вызов), но в долгих муках поисков нашел лишь несколько ученических слов:

— Ich bin zwanzig Jahre alt[13]. («Глупость и ерунду порю! К чему это я сказал о своем возрасте? — подумал он, недовольный неуклюжим ответом.— Совсем не то говорю, сплошную говорю ересь...»)

— О, zwanzig! — Она просияла, обрадовалась и сейчас же для убедительности приложила щепотку пальцев к своей груди, сообщила о себе в третьем лице: — Emma ist achtzehn... Ein, zwei, drei... und so weiter![14].

---

[1] Нет, нет! Господин лейтенант!..

[2] Мне грустно, мне грустно...

[3] Мне грустно... Вади-им!.. Прости меня... Мой Вади-им!..

[4] Баттерфляй — это по-английски... По-немецки... Пожалуйста, учи немецкий. Бабочка, бабочка.

[5] Я иду в школу.

[6] Пожалуйста, говори.

[7] Боже мой, бабочка!..

[8] «Не знаю, что это значит, и грустен я отчего...»

[9] Ты — бабочка.

[10] И я — бабочка. Вадим и Эмма. Понимаешь меня?

[11] Философия? Никакой тут нет философии!

[12] Девушка Эмма и молодой лейтенант. Война... Бабочка и девушка Эмма.

[13] Мне двадцать лет.

[14] Эмме восемнадцать... Раз, два, три... и так далее!

— Семнадцать или восемнадцать? — сосчитал в уме Никитин, нечетко помня счет от десяти, а она, улыбаясь влажными зеркальцами зубов, перегнулась к краю постели, взяла его ручные часы, положенные им в изголовье на стул, отметила на циферблате ноготком три деления за цифрой пятнадцать, педантично отсчитала, точно ученику на уроке математики в школе: — Also, fünfzehn, sechzehn, siebzehn, achtzehn [1].— И, придавливаясь виском к его виску, воскликнула со смехом притворного испуга: — O, mein Gott, ich bin so alt! Eine richtige Großmutter! Vertehst du mich? [2]

«Без десяти восемь! — тревогой бросилось в глаза Никитину.— Через десять минут подъем. Неужели сейчас постучат?»

Он, не выдав беспокойства, прислушался к невнятным звукам внизу и начал застегивать на запястье ремешок часов, думая, как сказать ей, что нельзя оставаться больше, пора уходить, сейчас уходить, но его беглый взгляд в сторону двери, его скрываемая напряженность сразу же чутко передались ей, отразились страхом на веснушчатом лице, будто непредвиденное что-то вошло, незаметно прокралось в комнату тенью затаенной угрозы обоим.

— Was ist los? Soldaten?.. Was? [3]

— Эмма,— сказал он, затрудненно подбирая в памяти немецкие слова, испытывая новой шершавой болью ноющую вину перед ней.— Эмма... Тебе надо идти. Komm zurück. То есть мне... то есть нам пора. Сейчас подъем батареи. Komm, Emma... Auf Wiedersehen... [4] Я не хочу, чтобы тебя увидели здесь.

Она затравленным зверьком озиралась на дверь, на распахнутое окно, где в чистейшей голубизне погожего майского утра пылало солнце над садом, над красными черепичными крышами, потом на миг, в тишине мансарды, тоже прислушалась к завозившимся голосам на первом этаже, заглушенным полом, и с жалобным всхлипом, как в защите, приникла лбом к его плечу, обвила руками его шею, шепча по слогам:

— O, Vadi-im, mein lieber Vadi-im! [5]

— Auf Wiedersehen, Emma. Тебе пора. Уже утро. Эмма...

— Wiedersehen, Wiedersehen, Wiedersehen...

Она вскочила с постели, торопливо надела халатик на голое тело и, завязывая поясок, клоня голову, смиренной поступью кроткой подчиненной девочки пошла к двери, а он лежал, ослабленный, еще невесомо окутанный теплом, ватным туманом, еще ощущая протяжный шепот ее «Wiedersehen», и млечно-нежный запах ее шеи, горько-мятную конфетную сладость туалетного мыла, исходившую от ее желтых волос, но вновь подспудное, мучительное чувство бессознательно случайного, ничем не оправданного, совершенного им и ею в беспамятной отрешенности от всего, что было вчерашней и сегодняшней действительностью, тоненьким предупредительным колокольчиком тревоги звенело в нем, вызывая томящую, как неизвестность судьбы, опасность перед тем, что он знал и не знал.

Потом внизу грозно всколыхнутой волной прокатилась команда: «Подымайсь, второй взвод!» — и вскоре загалдели непроспанные голоса солдат, а минут через пять на лестнице зашаркали, приближаясь, шаги, послышалось покашливание, шаги замялись за дверью, и проник голос Ушатикова одновременно с несмелым стуком:

— Подъем. Вставайте, товарищ лейтенант.

— Да, я слышу,— ответил Никитин.— Я встал. Сейчас спущусь.

— Комбат ждет вас, товарищ лейтенант. Приказал к нему. Срочно.

«Гранатуров? Он здесь? — подумал Никитин при этом ворвавшемся из внешнего мира голосе и стуке Ушатикова.— Меня к комбату? Значит, он не уехал в медсанбат и ночевал в доме?»

Продолжение следует.

---

[1] Вот — пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать.

[2] О, господи, я уже такая старая — настоящая бабушка! Понимаешь меня?

[3] Что случилось? Солдаты?.. Что?

[4] Иди, Эмма... До свидания...

[5] О, Вади-им, мой любимый Вади-им!

ФРОНТОВАЯ БРИГАДА

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Василия Ивановича Качалова я застал возле стареренькой географической карты, он перекалывал крохотные красные флажки.

— Корректируете линию фронта?

— Да... Пока взгляните, какое мне переслали из театра письмо...

Письмо лежало на столе. Я взял его. Конверт склеен из серой, грубоватой на ощупь бумаги. В конверт была вложена фотографическая открытка из тех, что продавались перед войной в газетных киосках с изображением популярных артистов театра и кино.

«В. И. Качалов. Вишневый сад».

Не без труда можно было прочитать эту строчку. Открытка, очевидно, побывала в огне, побурела, скорежилась по краям.

Было и письмо. Подпись неразборчива. Какой-то офицер или солдат писал, что открытку он снял со стены горящей хаты.

«Это село мы только что освободили. Знаете, товарищ народный артист, у меня было такое чувство, что мы и вас спасли...»

Обратного адреса, конечно, не было. Не было номера полевой почты. Впрочем, если бы и был этот номер, самую воинскую часть ответному письму пришлось бы разыскивать и догонять в гуще стремительных событий осени 1944 года.

— Обязательно должен ответить,— сказал Василий Иванович.— Отвечу по радио... Может быть, услышит?..

Несколько дней спустя Качалов читал по радио фрагменты «Василия Теркина». Неповторимый качаловский голос звучал особенно тепло, просто, словно великий артист разговаривал по душам с фронтовиками, с сынами, гордясь ими и любуясь.

Был уже немолод Василий Иванович, прибаливал. Любил тишину. Однако что ни день заезжала за ним в назначенный час мхатовская «эмка» или видавшая виды воинская машина. Отправлялся Качалов на репетицию в театр, готовил свой творческий вечер, сбор от которого шел в фонд обороны; ехал через весь город на шефский концерт в клуб завода или — вовсе уж не ближний свет — направлялся в воинскую часть, к летчикам.

— Не знал, что так много у меня близких людей на земле,— сказал Василий Иванович, бережно убирая в бювар побывавшую в огне открытку...

Пожелтевшие листки, поблекшие за тридцать с лишним лет фотографии, лежат передо мной.

Корреспондентская работа в Советском Информбюро познакомила меня в военные годы со многими замечательными людьми советской культуры. Происходили эти встречи зачастую в нетопленных концертных и театральных залах; в квартирах, где окна были оклеены полосками бумаги — на случай бомбежки.

Советское Информбюро вело громадную пропагандистскую работу, направляя в мир по своим каналам потоки информации о жизни и борьбе советского народа. Слово правды было оружием. Вести о премьере Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича, об антифашистской пьесе Леонида Леонова производили впечатление огромное, свидетельствуя о неколебимой духовной мощи советского общества, об уверенности в конечной победе.

— Над чем вы сейчас работаете, Сергей Сергеевич?..

Композитор Прокофьев был очень вежливым человеком. Мы явно ему помешали, проникнув в Большой зал консерватории во время репетиции.

— Над чем работаю?.. Ну, скажем так... Недавно закончил первую редакцию партитуры оперы «Война и мир»... Завершил работу над партитурой кантаты «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным»... В ближайших планах — соната для фортепиано и, вероятно, цикл песен на темы, подсказанные героикой Отечественной войны... Что ж еще?.. Намерен работать и работать...

Сергей Сергеевич извинился: недосуг, его ждут. Мой коллега, фотокорреспондент Михаил Трахман, едва успел сделать снимок в тот момент, когда Сергей Сергеевич, внезапно отключившись, углубился в партитуру.

...Еще один памятный снимок тех лет. Любительский, не очень удавшийся. Сделал его старшина воинской части у порога дома Петра Ильича Чайковского в Клину в конце ноября 1943 года. В центре группы, стоящей у входа в дом, Антонина Васильевна Нежданова, слева от нее — композитор Юрий Александрович Шапорин.

Помню, мы долго ехали из Москвы в тряском автобусике филармонии. Было очень холодно. Антонина Васильевна, закутавшись, сидела у окна, смотрела, протерев варежкой дырку в морозном стекле, на то, как пробегают мимо снежные перелески и черные печные трубы пожарищ, а на обочинах разбитой дороги мертвые вражеские танки...

— Взгрустнулось, Антонина Васильевна?..

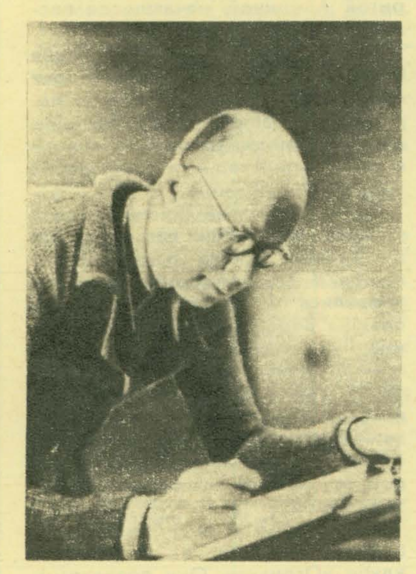
— Немножко... Думаю о том, что скажу в доме Петра Ильича...

Не знаю, достоверно ли, но, кажется, в тот холодный ноябрьский вечер в Клину в последний раз выступала перед публикой великая русская певица. Кабинет композитора был переполнен: солдаты, рабочие, крестьяне из окрестных деревень, ребята-школьники... Страна отмечала пятидесятилетие со дня смерти Чайковского.

Антонина Васильевна открыла вступительным словом этот вечер. Негромко говорила, что бесконечно любит бывать здесь, в ка-

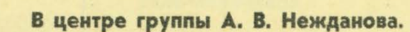
Поет Клавдия Шульженко.

С. С. Прокофьев.

М. М. Тарханов в госпитале у раненых бойцов.

В центре группы А. В. Нежданова.

бинете Петра Ильича, трогать клавиши рояля, на котором композитор наигрывал первые такты бессмертной Шестой симфонии и «Пиковой дамы»...

— Там на двери подъезда есть дощечка,— говорила Нежданова,— написано: «Нет дома, просят не звонить». Когда Петр Ильич работал или куда-нибудь уезжал, появлялись эти слова... Надо снять дощечку... Чайковский дома, с нами...

Совсем потихоньку она спела, как же ей аплодировали...

Зато во всю мощь «распевался» во время нашей встречи Максим Дормидонтович Михайлов.

Звуковая волна феноменального михайловского баса была настолько могуча, что мелко дрожали оконные стекла и позванивали хрусталики люстры...

«...Случилось мне быть в гостях у танкистов,— читаю я строки, написанные крупным и твердым почерком певца. — Приехали к ним ночью. Орудийный грохот сотрясал лес, в котором мы расположились. Над нами то и дело свистели снаряды, и трогательной была забота боевых товарищей, предлагавших не выходить из землянки во избежание всяких случайностей. Но я все-таки вышел из землянки. Чего ради буду дрожать за свою жизнь, когда вокруг меня бьются родные люди?

...Двинулись сквозь лес неясные в рассветный час громады танков.

Не знаю, что случилось со мной: человек я по характеру уравновешенный, и внезапность поступков мне несвойственна. Но здесь, увлеченный этим движением вперед, которое ощущалось вокруг в лесу, я вдруг запел, что было во мне силы, русскую песню...

Весь день шел бой. К ночи затих. Забуду ли когда-нибудь лицо паренька-пулеметчика? Он умирал. Его нашли санитары на высотке в окружении вражеских трупов. «Спокойно...» — был его последний шепот. Что значило это слово?..

Мы выступали, как обычно, на грузовике с откинутым бортом. Давали очередной фронтовой концерт, но уже на освобожденном клочке родной земли. Полковник, командир части, поблагодарил нас за выступление, сказал, что особенно, по его мнению, удался сольный номер на рассвете...

Благодарить нас в такой день?.. Что же тогда остается делать нам, артистам?..

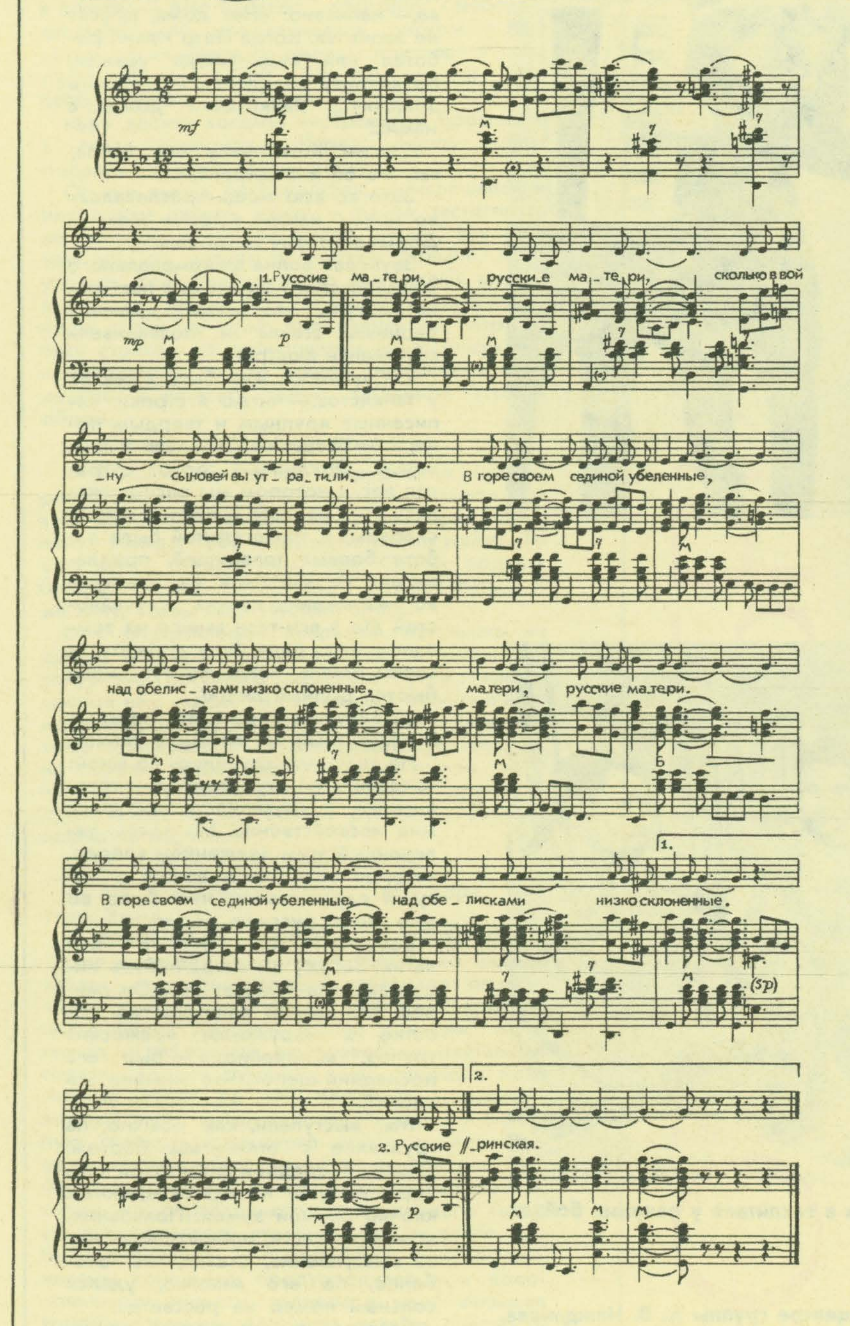
Отдать земной поклон воинам...

Максим МИХАЙЛОВ»

Это были впечатления артиста от одной из многих его фронтовых поездок.

Обо всех и обо всем не расскажешь. Может быть, когда-нибудь будет создан музей, и тогда на его стендах в застекленных витринах найдут свое место маршруты фронтовых бригад советского искусства, перчатки с обрезанными кончиками пальцев, в которых пианист Владимир Софроницкий играл Глинку и Шопена в промерзшем зале Ленинградской филармонии во время блокады; синий платочек Клавдии Шульженко; русский сарафан Лидии Руслановой, в котором она пела победной весной сорок пятого года у стен еще дымящегося рейхстага...

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Люди не могут жить без песен. Так считает композитор Григорий Пономаренко, пронесший народную песню через всю жизнь. В раннем детстве он стал гармонистом, а когда ему было еще 13—14 лет, на танцплощадках Запорожья не знали музыканта более популярного.

— Когда мне надоедало играть танго и фокстроты, я начинал импровизировать,— вспоминает Григорий Федорович.

Надо было учиться, чтобы выйти на широкую дорогу настоящего творчества. Путь этот всегда долог и нелегок. Композитор понимал главное: ни при каких обстоятельствах нельзя отрываться от народа.

В дни войны родились его первые песни: «Кровь за кровь», «Бей фашистов»...

Работая с Государственным волжским народным хором, Пономаренко пишет «Ивушку», «Эх, Волга-речка, не боли, сердечко», «У нас под Куйбышевом». Затем уже Оренбургский народный хор поет новые песни: «Белый снег», «Выходил на поля молодой агроном», «Оренбургский пуховый платок»...

Неожиданно директор Волгоградского тракторного завода В. Семенов приглашает Г. Пономаренко организовать хор на заводе. Григорий Федорович берется за это почетное дело, и в Волгограде рождается содружество композитора с поэтессой Маргаритой Агашиной, начавшееся песней «Что было, то было».

Иногда так бывало, что песня будто не удалась, а вдруг запоет ее певица — и пошла песня в народ... Так запела Ольга Воронец песню «Тополя, тополя», взяла ее в свой репертуар,— и стала песня народной, любимой...

Сейчас Григорий Пономаренко в расцвете творческих сил. Живет он на Кубани. Много ездит, много пишет. В его концертной бригаде появились молодые талантливые певицы Вероника Журавлева, Мазина Лукутина, Раиса Виноградова.

— Я очень счастлива, что работаю с таким интересным человеком,— говорит Раиса Виноградова.— Выступать с ним боязно и очень ответственно: ведь поешь под аккомпанемент самого создателя песни.

Композитор и его бригада побывали недавно в творческом клубе «Огонька». Они познакомили редакцию со своими новыми работами.

В. МОРОЗОВА

Фото Г. Макарова.

Музыка Гр. ПОНОМАРЕНКО, слова В. ЧУРСОВА.

РУССКИЕ МАТЕРИ

Русские матери, русские матери,
Сколько в войну сыновей вы утратили.
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные.
Матери, русские матери,
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные.

Русские матери, сердцем открытые,
Как не сломились вы, горем убитые,
Светлой зарею взошли над Россиею,
Стали звездою ее негасимою.
Матери, русские матери,
Светлой зарею взошли над Россиею,
Стали звездою ее негасимою.

В белые вьюги, в цветенье смородины
Низкий поклон вам от ласковой Родины,
Вашим сынам, что стоят обелисками,
Вечная память и скорбь материнская.
Матери, русские матери,
Вашим сынам, что стоят обелисками,
Вечная память и скорбь материнская.

М. Лукутина.

Р. Виноградова.

В. Журавлева.

Аля — Д. Тумаркина, Сергей — В. Щербаков.

О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

Творчество Имрана Касумова тесно связано с Азербайджанским русским драматическим театром имени Самеда Вургуна. Тематическая направленность театра — раньше он назывался Бакинским рабочим театром — определила основную тему в творчестве драматурга: большинство его пьес рассказывают о людях труда, нефтяниках и моряках Каспия, инженерах, рабочих судоверфей. Это разные люди, но их объединяет преданность делу, любовь к людям. Им свойственно острое чувство современности, глубина человеческих отношений.

Действие новой пьесы И. Касумова «Шире круг», премьера которой состоялась недавно в Баку, происходит в наши дни, спустя тридцать лет после окончания войны. Но все так же ее герои, прошедшие по дорогам войны, готовы пожертвовать своим благополучием во имя счастья других. Их судьба — это судьба целого поколения.

Постановщик спектакля Д. Селимова, концентрируя внимание на сложном внутреннем мире героев, делает это деликатно, с подлинным тактом, подчеркивая нравственную чистоту отношений между героями, их приверженность делу, которому они служат. Главное в них — именно высокая ответственность по отношению к жизни, ко всему окружающему. Врачи Сергей Угольков, сыгранный В. Щербаковым, и Рауф Шабанов — К. Адамов и сегодня по-прежнему борются за жизнь человека. Главная героиня — медсестра Аля Д. Тумаркиной тоже осталась верна своей профессии.

Спектакль начинается музыкой Х. Мирзазаде: она звучит в фойе театра задолго до появления актеров на сцене, а потом сопровождает зрителей и в антракте. Жизненная достоверность и острота драматургического материала, неожиданные сюжетные повороты заставляют зрителей с неослабевающим вниманием следить за событиями; использованный в спектакле прием ретроспекции усиливает их накал.

...Аля потеряла на фронте любимого. Она ждет ребенка, но родители не могут с этим смириться: ребенок без отца? Школьный друг Сергей Угольков спасает Алю от злых упреков и несправедливых сплетен. Но вот происходит встреча Али с ее любимым Рауфом Шабановым, которого Аля со времени войны считала погибшим. Аля не упрекает Рауфа: ее чувствами движет любовь. Эта глубоко эмоциональная сцена становится кульминацией спектакля, рассказавшего о людях благородных, добрых и отзывчивых.

М. МАЛЕЕВА

МГНОВЕНИЕ ИСТИНЫ

«Я работал на медных рудниках... Рабочие избрали меня председателем профсоюза... После этого — фашистский путч. Лучше бы я пустил себе пулю в лоб. Потом нас жарили на солнце за колючей проволокой. Пытали жаждой. Допрашивали при помощи ружейных прикладов. Потом вывезли на остров Бланко. Там мне жгли грудь, наверно, хотели, звери, выжечь сердце. Я потерял сознание...»

Это рассказ одного из героев драмы «Мгновение истины» Альбертаса Лауринчюкаса.

Произведение литовского писателя не первая попытка советских драматургов исследовать природу зловещего политического феномена — возрождения фашизма в Чили.

Шахтинский драматический театр имени Н. Погодина первым в стране осуществил постановку пьесы А. Лауринчюкаса. Режиссер Анатолий Савин придал спектаклю остропублицистическое звучание.

Сюжет пьесы почти документален: многие из ее участников знакомы нам по страницам газет и кадрам кинохроники. Хунта приговаривает к расстрелу певца Орнандо. Группа молодых патриотов похищает Ренату (артистка Л. Монастырская) — дочь миллионерши Мерилин Брук (Г. Соколова), требуя освобождения Орнандо. Главарь хунты генерал Мачено (В. Шур) отказывается принять эти требования; Орнандо казнен. Под пытками палачей умирает Рауль — один из заговорщиков.

Что же такое «мгновение истины»? Когда матадор остается наедине с разъяренным быком, оба смотрят в глаза смерти. Те несколько часов в мансарде художника Антонио (Л. Панасян), где Рената находится в качестве заложницы, помогают ей взглянуть на мир, на смысл собственной жизни другими глазами. «Мгновение истины» переживает не только Рената, но и сами повстанцы. Они понимают, что контрреволюции может противостоять только организованное, массовое сопротивление, а не самопожертвование одиночек... Антонио, Франциско, Хозе отпускают Ренату и уходят в горы, к коммунистам.

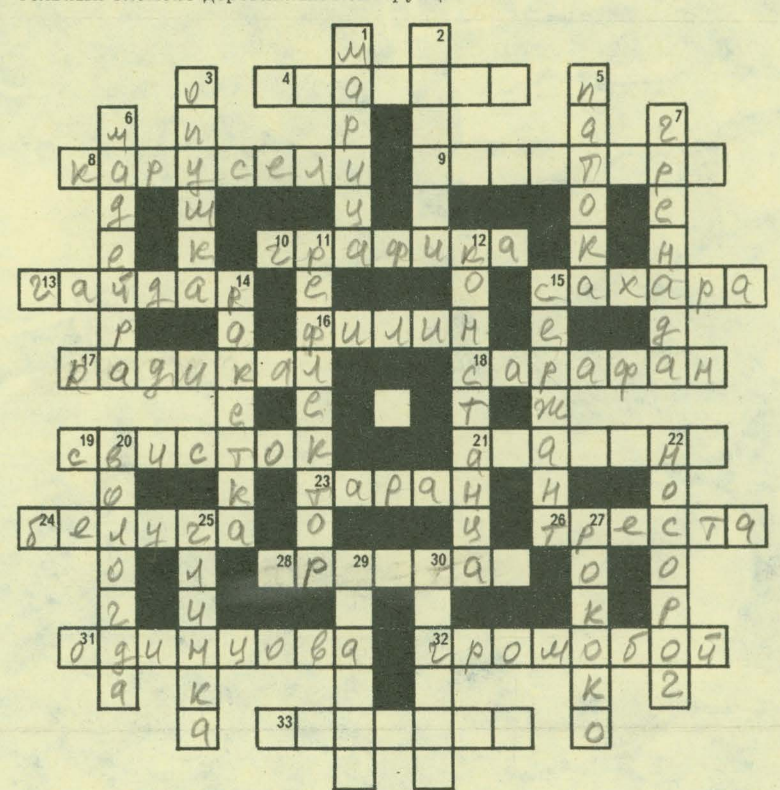
Новая постановка — бесспорная удача Шахтинского драматического театра.

В. СУББОТИН

КРОССВОРД

По горизонтали:
4. Цветок. 8. Аттракцион. 9. Древнегреческий астроном. 10. Вид изобразительного искусства. 13. Советский писатель. 15. Пустыня в Африке. 16. Птица отряда сов. 17. Математический знак. 18. Женское платье. 19. Сатирический отдел в журнале «Современник». 21. Травянистое растение. 23. Древнее осадное орудие. 24. Рыба семейства осетровых. 26. Солома льна и конопли. 28. Средний уровень воды. 31. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 32. Опера А. Н. Верстовского. 33. Дневная бабочка.

По вертикали:
1. Оперетта И. Кальмана. 2. Пьеса М. Горького. 3. Окраина леса. 5. Сахаристый продукт. 6. Приток Амазонки. 7. Стихотворение М. Светлова. 11. Отражатель. 12. Порт в Румынии. 14. Спортивный инвентарь теннисиста. 15. Воинское звание. 20. Областной центр в РСФСР. 22. Животное, обитающее в тропиках. 25. Русский композитор. 27. Стилистическое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 29. Созвездие северного полушария неба. 30. Соединительный элемент деревянных конструкций.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 5. Сеченов. 7. Клише. 8. «Огонь». 10. Катер. 12. Дамаск. 14. Тандем. 17. Курага. 18. Радамес. 19. Рельеф. 20. Софокл. 22. Городки. 24. Бензин. 25. Гурзуф. 26. Африка. 27. «Порог». 29. Пряжа. 30. Укроп. 31. Секстет.

По вертикали: 1. Кинематика. 2. Терек. 3. Ротор. 4. Баллада. 6. Центнер. 9. Каракорум. 11. Земляника. 13. Кирхгоф. 14. Теснина. 15. Гурон. 16. Тефия. 21. Лазурит. 23. Островский. 24. Барсова. 27. Падеж. 28. Гусев.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 1 июня — Международный день защиты детей. Лучика Мустяцэ живет в молдавском селе Валя-Маре.

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Летний полдень.

Фото В. Матвеева.
Москва. На фотоконкурс.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

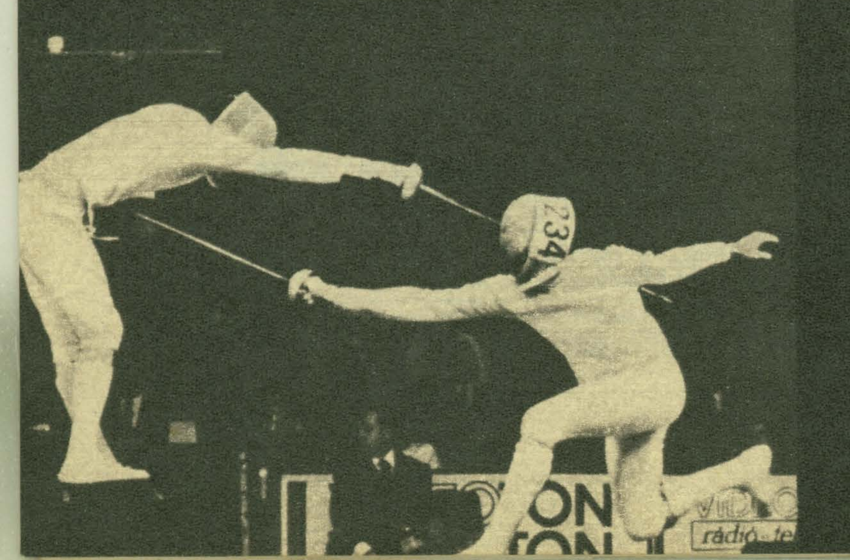
Сдано в набор 12/V — 75г. А 00588. Подп. к печ. 27/V — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1242. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 541.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

И. Гедрайтене (СССР) «В свадебный вечер» — золотая медаль.

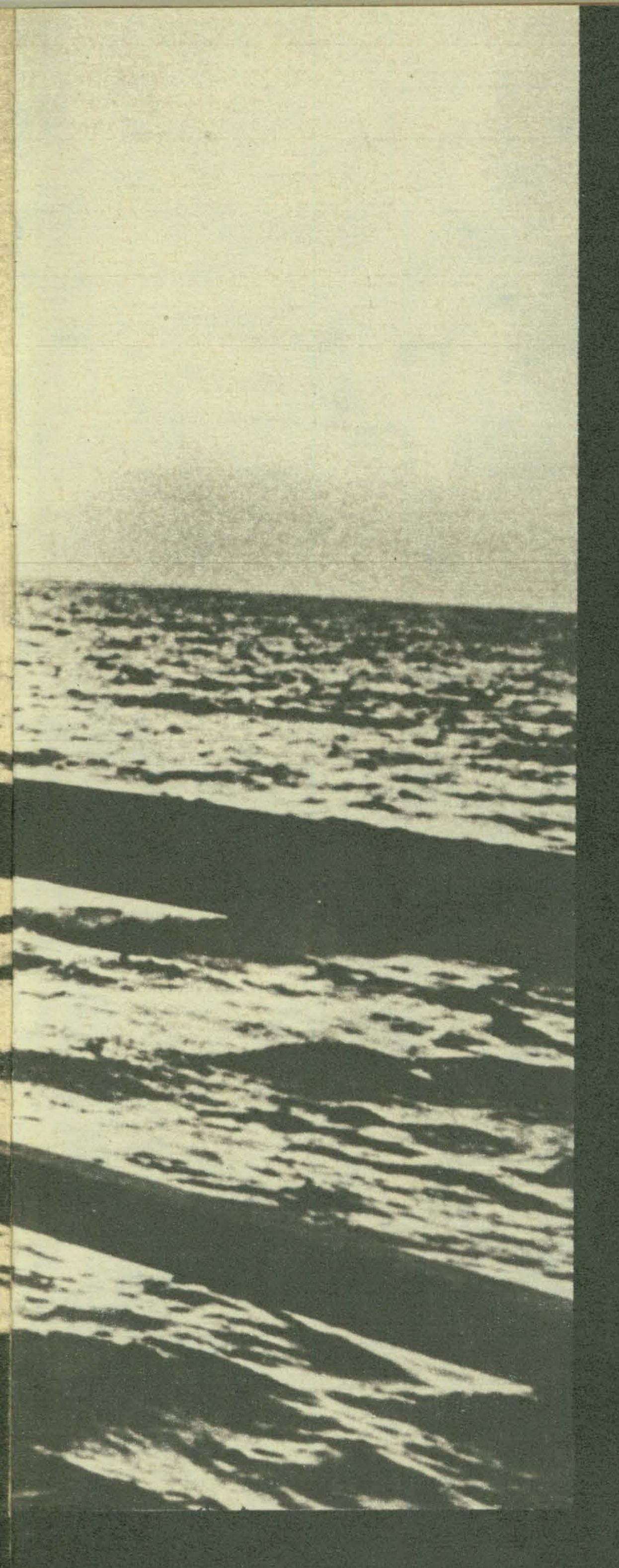
МИР В ФОТ

Т. Слуковени (ВНР) «Туше» — серебряная медаль.

Ю. Теуш (СССР) «220 килограммов» — бронзовая медаль.

Ю. Устинов (СССР) «За мир в космосе и на Земле» — бронзовая медаль.

ОГРАФИЯХ

Р. Нагиев (СССР) «Первая встреча» — серебряная медаль.

В. Арсирий (СССР) «И мне было восемнадцать...» — бронзовая медаль.

Э. Дёринг (ГДР) «Скрипачка Маюми Фудзикава» — бронзовая медаль.

Н. Моран (США) «Патруль в Белфасте» — серебряная медаль.

Г. Клейн (Нидерланды) «Возрождение демократии в Греции» — бронзовая медаль.

А. Бюро (Франция) «Арест члена салазаровской охранки в Лиссабоне» — золотая медаль.

Д. Дейнов (НРБ) «Одна с фотографией семьи» — золотая медаль.

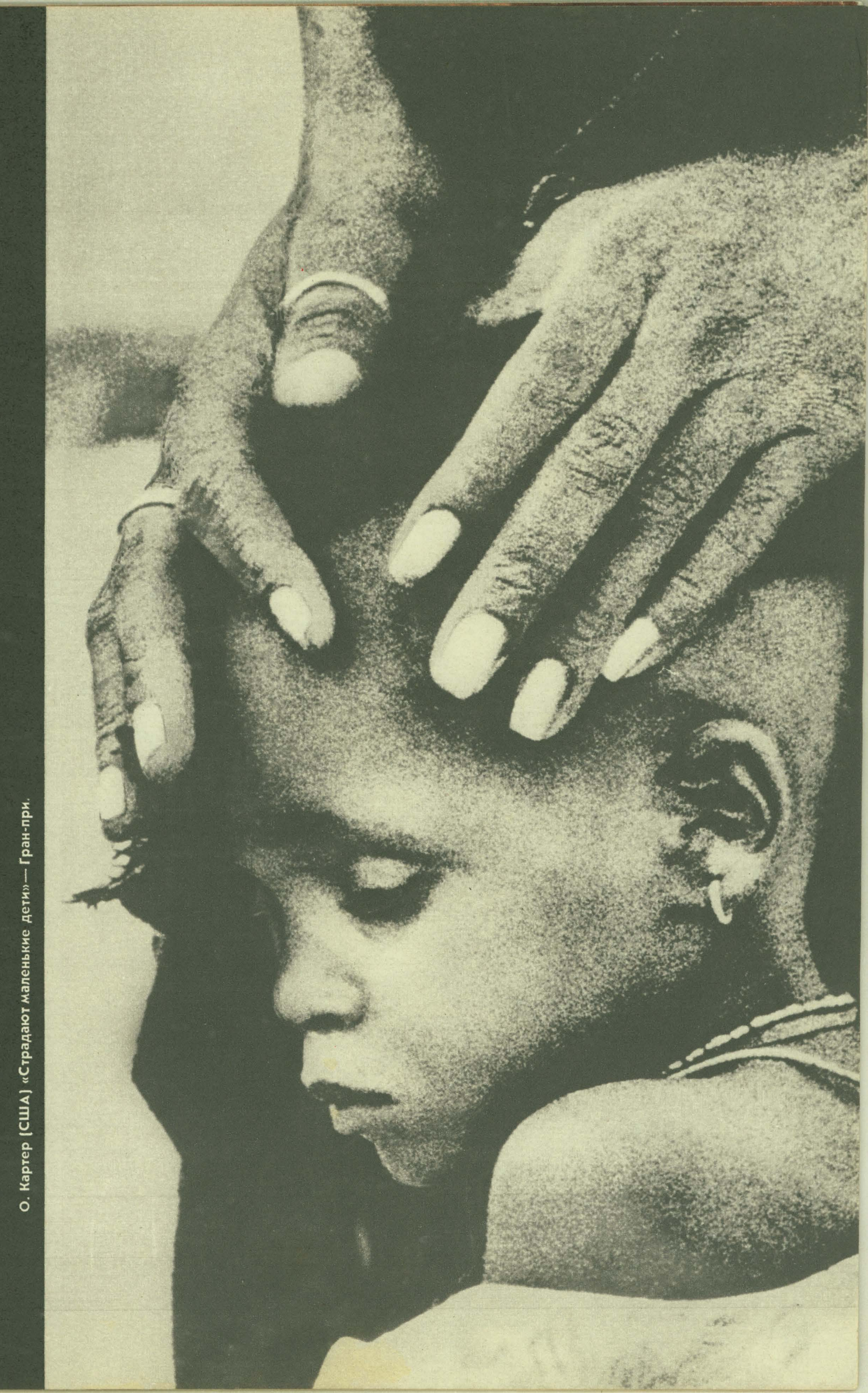
Фотографии, воспроизведенные на этих страницах, отмечены наградами на восемнадцатой международной фотовыставке прессы в Амстердаме. Агентства, редакции газет и журналов, отдельные фотожурналисты из сорока одной страны прислали на эту выставку 3 850 фотографий, рассказывающих о событиях прошедшего года.

Жюри из представителей восьми стран рассмотрело их и присудило золотые, серебряные и бронзовые медали за лучшие работы по фотожурналистике.

В дни работы жюри перед нашими глазами прошла панорама жизни планеты — крупнейшие политические события, кризисы, забастовки, стихийные бедствия, голод, строительство новой жизни, новости культуры и спорта и многое другое.

Большой успех выпал на долю советских авторов и фоторепортеров из социалистических стран. Это не случайно. Гуманная, жизнеутверждающая фотография становится в мире все более популярной. Она завоевывает умы и души людей.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
член международного жюри

О. Картер (США) «Страдают маленькие дети» — Гран-при.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663